

18+ Геннадий Дорогов

Кульминация

роман



Геннадий Дорогов

Кульминация

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848062
ISBN 9785449854001*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Судьба сводит главных героев романа в непростой для них период жизни. Светлые и нежные чувства омрачаются сложными и опасными обстоятельствами. Любовь, гражданская позиция и вмешательство в их жизнь других людей сплетаются в тугой узел.

Содержание

Краткое предисловие	5
Глава 1. Наследство	6
1. Пациент	6
2. Наследники	14
3. Поручение	21
4. Бегство	31
5. С чистого листа	38
Глава 2. Персонаж	44
1. Клеопатра	44
2. Размолвка	55
3. Кризис	62
4. Лекарство от тоски	69
5. На грани	79
Глава 3. Миссия	91
1. Первый блин	91
2. Меценат	102
3. Тревоги и радости	112
Глава 4. Передряги	122
1. Замена	122
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Кульминация

Геннадий Дорогов

© Геннадий Дорогов, 2020

ISBN 978-5-4498-5400-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Краткое предисловие

Несмотря на то, что многое в романе узнаваемо и созвучно нашей сегодняшней жизни, автор счёл необходимым напомнить читателю, что данное произведение являет собой художественный вымысел. В книге, наряду с вымышленными, использованы названия реальных фирм, организаций, властных структур. Все задействованные в романе сотрудники указанных организаций и учреждений – придуманные автором персонажи, ничего общего не имеющие с реальными людьми. Всякое совпадение имён, фамилий или описаний внешности является случайным. То же самое относиться к описанным в романе событиям, никогда не происходившим в действительности. Данное пояснение автор счёл необходимым, так как вовсе не желает бросить тень на конкретных людей, которые, вполне возможно, этого не заслуживают, и которых читатель мог бы по незнанию ассоциировать с персонажами данного произведения.

Глава 1. Наследство

1. Пациент

Сырой промозглый ветер пронизывал до костей. Редкие снежинки кружились в воздухе крупными хлопьями. Тёплый солнечный апрель традиционно сменился холодным и неласковым маем. Но нынешний день был особенно хмур и неласков.

Эта пасмурная погода вполне соответствовала настроению молодой женщины, идущей по улице в лёгком демисезонном пальто и с непокрытой головой. В правой руке женщина несла пластиковый пакет, а левой старательно пыталась защитить от холодного воздуха верхнюю часть груди, не прикрытую тканью пальто. Очередной порыв ветра заставил её зябко передёрнуть плечами.

Однако идти осталось недолго. Облицованное серым мрамором здание больницы уже отчётливо проглядывалось в просвете между многоэтажками. Три минуты спустя Люба – так звали женщину – вошла в распахнутую калитку и поднялась на высокое крыльцо.

В вестибюле, сдав пальто в гардероб, она подошла к турникету. Полная женщина-охранник встретила её тяжёлым взглядом.

– К Порываеву? – не слишком дружелюбно спросила она, хотя и без объяснений прекрасно знала, к кому сюда регулярно приходит эта посетительница.

– Да, – ответила Люба. – Я к Павлу Сергеевичу Порываеву.

– Проходите.

От небрежного, слегка высокомерного тона местного стража порядка в душе остался неприятный осадок. Но посетительница не стала заострять на этом внимание, списав грубость и высокомерие на плохое воспитание и издержки профессии. Да и неприязнь, скорее всего, была направлена в адрес пациента, а не на неё лично. Она поднялась на второй этаж. Впереди по коридору грациозно вышагивала знакомая фигура медицинской сестры.

– Татьяна Юрьевна! – окликнула её Люба.

Медсестра обернулась. В одно мгновение миловидное лицо сорокалетней женщины озарилось радостной улыбкой.

– Любовь Андреевна! Ну, наконец-то! – воскликнула она, шагая навстречу посетительнице. Подойдя близко, сказала: – Мы тут совсем извелись. И дозвониться до вас никак не могли.

– Я отключала телефон. Понимаете, возникли неотложные дела, – сказала Люба смущённо, словно оправдываясь. – Не думала, что моё отсутствие осложнит вам жизнь. Меня не было здесь всего три дня.

– Вас тут не было *целых* три дня. А в данном случае это

очень много.

– Что-то случилось?

Татьяна утвердительно кивнула.

– Случилось. В первый же день вашего отсутствия у Павла Сергеевича был приступ. Очень тяжёлый. Я уж, грешным делом, подумала: конец мучениям – и его, и нашим. Однако и на этот раз вытащили его врачи с того света. Не думаю, что надолго. Так что будьте готовы к худшему.

– А как насчёт операции? По-прежнему не даёт согласия?

– Отказывается. Да и поздно уже.

– Он совсем плох?

– Нет, сейчас ему значительно лучше. Только вот нам от этого легче не стало. Понимаете, с такими людьми, как Павел Сергеевич, всегда непросто. Он же привык, чтобы его желания немедленно выполнялись. А тут вы срочно ему потребовались и, как назло, исчезли на три дня. Вот мы и наслушались...

Люба опять почувствовала себя неловко.

– Простите, Татьяна Юрьевна!

– Да вы-то в чём виноваты? – всплеснула руками Татьяна. – Вам, небось, самой хватает забот. Если честно, нас не так уж и напрягает ваш Павел Сергеевич. Во всяком случае, по сравнению с его супругой. Вот с ней мы хлебнули проблем. Не тем будь помянута...

Со свекровью, ныне покойной, Люба и сама хлебнула проблем. Неприятные, обидные воспоминания нахлынули

на неё. Но сейчас предаваться им было не время. Она спросила:

– Его кто-нибудь навещал в эти дни?

– Вчера приходили двое солидных мужчин с портфелями. Один из них покинул палату минут через двадцать, а другой пробыл у больного почти два часа. О чём говорили, неизвестно. Павел Сергеевич запретил персоналу даже заглядывать в палату. Ну и, понятно, нянечка регулярно приходит ухаживать за ним.

– А родственники?

– Этих никого не было, – медсестра неприязненно хмыкнула. – Думаю, что скоро объявятся.

– Спасибо, Татьяна Юрьевна! – сказала Люба. – Пойду я...

– Пойдите! – задержала её Татьяна. – Я не всё вам рассказала. Будет лучше, если вы узнаете заранее. Дело в том, что после кризиса с вашим свёкром произошло что-то... не вполне обычное. Ну, вроде бы человек при своём уме: рассуждает здраво, ведёт себя достаточно разумно. Но вот взгляд...

Она замолчала.

– Что – взгляд? – нетерпеливо спросила Люба.

– Ну, не то, чтобы безумный, но какой-то странный. Смотрит так, словно рентгеном просвечивает. Стоишь перед ним и чувствуешь себя в чём-то виноватой. Только вот в чём – непонятно.

Люба невольно поёжилась, словно вновь оказалась во дво-

ре на холодном сыром ветру. Она и прежде чувствовала себя неуютно под ледяным колючим взглядом свёкра. Как же он встретит её теперь?

– Спасибо! – пробормотала она.

Глядя в её встревоженное лицо, Татьяна вновь дружелюбно улыбнулась.

– Нагнала я на вас страху, Любовь Андреевна. Не волнуйтесь, не съест вас свёкор. Идите к нему. А я побегу – работы много.

* * *

У двери персональной палаты, в которой располагался важный пациент Павел Сергеевич Порываев, Люба постояла с минуту, борясь с волнением, затем негромко постучала.

– Кто там? – послышался за дверью властный голос больного.

– Павел Сергеевич, это я – Люба.

Повисла пауза. Спустя ещё полминуты она услышала негромкое:

– Входи.

Она вошла. Павел Сергеевич лежал на кровати с закрытыми глазами. Едва Люба успела прикрыть за собой дверь, как он воскликнул, вытянув вперёд руку с растопыренными пальцами, но, по-прежнему, не открывая глаз:

– Стой там!

Женщина растерянно замерла на месте. Больной некоторое время лежал неподвижно, затем медленно приоткрыл глаза и вдруг облегчённо вздохнул.

– Здравствуй, Любаша! – сказал он приветливо. – Рад видеть тебя! Проходи, садись.

Она неуверенно прошла, положила пакет на тумбочку и присела на табурет возле кровати.

– Я мандарины принесла, – сказала негромко и на всякий случай добавила: – Вы их любите.

Павел Сергеевич невесело засмеялся.

– Спасибо, что напомнила! Значит, решила, что я совсем выжил из ума?

– Нет, что вы! Но...

– Понимаю. Странный приём тебя озадачил. Да и персонал, вероятно, уже шепнул на ухо. Но ты не беспокойся, я не опасен.

– Я не беспокоюсь...

– Ну да, конечно. Я вижу, – пробормотал он и умолк, думая о чём-то.

Выждав несколько минут, Люба решила напомнить о себе:

– Павел Сергеевич!..

– Ах да! Извини! – спохватился Порываев. – Я вовсе не забыл про тебя. Просто задумался кое о чём. Понимаешь, Люба, я боялся... Я очень боялся... И я рад, что мои опасения оказались напрасными. Значит, не ошибся в тебе. Значит, всё как надо сделал.

Она встревоженно смотрела на него. Он устало прикрыл глаза.

– Не удивляйся. Я всё объясню. Разговор у меня к тебе имеется. Только не знаю с чего начать. Хочу, чтобы ты меня правильно поняла.

– Я постараюсь понять. Говорите.

– Надеюсь, что поймёшь. Это очень важно. Только вот сейчас соберусь с мыслями. Что-то они путаются у меня.

Женщина взглянула в измождённое лицо больного.

– Вы успокойтесь, Павел Сергеевич! – сказала она мягко. – Не тратьте силы на разговоры.

– Силы? – спросил он. – На что мне их беречь, Любаша? Мне теперь не силы, мне время экономить надо. Но ты права: короткий отдых не помешает.

– Да-да, отдохните. А я вам пока почитаю. «Небо, отражённое в луже». Хотите?

– Нет, не нужно.

– Жаль. Мне казалось, что вам нравится эта книга. А мы как раз подошли к самой кульминации.

Порываев открыл глаза.

– Ты права, Любаша: мне понравилась книга. Только за кульминацией неизбежно следует развязка. А вот до неё мы, скорее всего, дойти не успеем. Боюсь, что моя развязка наступит раньше, – он немного помолчал, затем продолжил: – Да, любопытный роман. На многое заставил по-другому смотреть. Я ведь тоже всегда был уверен, что к небу

стремлюсь. Возомнил себя чуть ли не Богом. И даже не догадывался, что передо мною всего лишь лужа, в которой отражается небо. Кто автор романа?

Женщина неуверенно пожала плечами.

– На обложке написано: Иван Чай. Наверное, псевдоним. Как вы думаете? – она опять посмотрела на больного и встрепенулась. – Павел Сергеевич, вам плохо?

– Да, – с трудом выдавил он из себя, сжав голову ладонями. – Позови...

Люба резко вскочила с табурета и нажала кнопку вызова медицинской сестры, расположенную на пульте специализированной медицинской кровати.

2. Наследники

Дверь резко распахнулась. Но вместо медсестры в палату важно, по-хозяйски, вошли две молодые женщины – дочери больного Анастасия и Светлана. Увидев склонившуюся над их отцом невестку, они сначала оцепенели. Но замешательство длилось не более секунды. Бросив у двери пластиковые пакеты, из которых выглядывали фрукты, женщины подняли шум.

– Прочь! Прочь от него! – злобно закричала Светлана.

Подскочив к кровати, она схватила Любу за руку и оттолкнула в сторону.

– Папочка, что она с тобой сделала? – запричитала подбегавшая следом Анастасия.

Павел Сергеевич лежал с закрытыми глазами и тихонько постанывал. В палату стремительно вошла медсестра Татьяна, держа в руке шприц.

– Пропустите меня! Быстро! – скомандовала она.

От неожиданности сёстры вздрогнули и расступились. Но тут же растерянность на их лицах сменилась злым высокомерием.

– А ты, милочка, не гавкай, – сказала Светлана. – Тебе по статусу рот раскрывать не положено.

– Нарисовались, – сердито буркнула Татьяна.

Она склонилась над пациентом и стала торопливо закатыв-

вать рукав пижамы.

– Что ты сейчас сказала? – продолжала наезжать на неё старшая дочь Порываева. – На неприятности напрашиваешься? Я тебя быстро поставлю на место.

– Вылетишь отсюда как пробка, – поддержала свою сестру Анастасия.

Татьяна сделала больному укол и ушла, не удостоив сестёр даже взгляда. Павел Сергеевич продолжал лежать с закрытыми глазами. Печать страдания постепенно сходила с его лица, уступая место выражению тревоги и беспокойства. Он осторожно приподнял веки и тут же опустил их. Мучительный стон вырвался из его груди.

– Папа, что сделала с тобой эта женщина? – спросила Анастасия, ткнув пальцем в сторону Любы.

Больной всё же решился открыть глаза. В отчаянии он переводил взгляд с одной дочери на другую. Затем остановил свой взор на младшей.

– «Эта женщина»? – спросил он. – Ты имеешь в виду законную жену твоего брата?

– Пока ещё жену, – уточнила Светлана. – Но это скоро изменится. И если она на что-то рассчитывает...

– Павел Сергеевич, я пойду, – сказала Люба и направилась к двери.

– Останься! – резко скомандовал свёкор и тут же смягчил тон: – Прошу тебя, не уходи! Мне очень нужно, чтобы ты осталась.

– Зачем?

– Не спрашивай. Просто поверь, что так надо. А сейчас помоги мне приподняться. Надоело лежать.

– Но почему – *она*? – обиженным тоном спросила Светлана. – Папа, почему ты *её* просишь? Разве мы, твои дети, не можем это сделать?

– Нет, – твёрдо сказал Павел Сергеевич. – До сих пор я прекрасно обходился без вас. Что же теперь изменилось?

Он уже старался не смотреть на своих чад, отводя взгляд в сторону. Теперь его лицо выражало досаду и усталость. Люба подошла к нему, нажала кнопку подъёма. Механизм подъёмника зажужжал, поворачивая головную часть лежанки вверх. Когда больной принял полу-сидячее положение, Люба отпустила кнопку и отошла от кровати. Она присела на стул, стоящий в углу просторной палаты. Дочери Порываева озадаченно переглянулись.

– Папа, мне кажется, что ты совершаешь ошибку, – осторожно заговорила Светлана. – Неужели не понимаешь, что не просто так эта дамочка крутится возле тебя?

Она пыталась поймать взгляд отца, но он упорно отводил глаза.

– Я беспомощен, – сказал он. – И мне необходимо, чтобы возле меня кто-то крутился.

– Но мы наняли тебе первоклассную сиделку. Разве она не справляется со своими обязанностями?

– Справляется. Она добросовестно ухаживает за моим те-

лом. Но у меня, если вы не забыли, ещё и душа есть. И она отчаянно нуждается в присутствии близкого человека, чтобы не чувствовать себя одинокой.

– Папочка, о чём ты говоришь?! – обиженно вскрикнула Анастасия. – Мы – твои родные дети и самые близкие тебе люди. Мы, а не она.

– Где же вы были раньше, родные дети? Почему появились так поздно и не все? Не до меня было?

– Папа, прости, но у нас действительно не было возможности приехать раньше. Но сейчас мы здесь, с тобой. И Володя приедет, только чуть позже. Закончит дела и сразу приедет.

– Да, он же теперь важная птица, – хмыкнул Павел Сергеевич и с грустью повторил: – «Близкие люди»! Нет, мои хорошие, близкий человек – это тот, кто рядом с тобой, когда тебе плохо. Вот теперь и скажите: кто мне самый близкий человек?

Светлана начала терять терпение.

– Я ничего не понимаю! Разве не ты первый воспротивился, когда Володя привёл в дом женщину не нашего круга? Разве не ты сделал всё, чтобы изменить взгляды сына и разрушить этот нелепый брак?

– Да, я это сделал. Я, чёрт бы меня подрал! – с досадой воскликнул отец. – Многого не понимал тогда. Многого не видел. От власти и денег люди глупеют.

– А может быть, ты сейчас перестал многое замечать? – вкрадчиво спросила Светлана. – Твоя невестка, к которой ты

вдруг проникся любовью и доверием, ещё не просила тебя включить её в завещание?

– Я не хочу это слышать, – сказала Люба, поднимаясь со стула. – Устраивайте свои разборки без меня.

– Любаша, прошу тебя: не уходи! – взмолился Павел Сергеевич. – Потерпи немного. Этот спектакль будет коротким. Вот-вот наступит развязка. Неужели тебе не интересно, чем всё закончится?

– Нет.

– Всё равно останься. Ради меня. Мне спокойнее, когда ты рядом.

Люба опять вернулась. Она села на стул и уткнула лицо в ладони. Светлана, напротив, вскочила с места и нервно зашагала по палате. Потом подошла к кровати больного.

– Чёрт возьми, что тут происходит?! Ты можешь объяснить?

– Давайте не будем ссориться, – примирительно сказала Анастасия. – Мы, конечно же, виноваты перед папой. Вот он и обиделся. Но мы загладим свою вину. Впредь будем более внимательны и заботливы, – она повернулась к отцу. – Как ты себя чувствуешь?

– Я бы сказал: «Не дождётесь!». Но, увы, это не так, – ответил Порываев, не глядя на дочь. – Скоро, наследники мои, очень скоро...

Лицо Светланы стало наливаться кровью.

– Может быть, нам вообще уйти отсюда? – спросила она,

гневно дыша.

– Да, пожалуй.

Она резко поднялась.

– Ну что ж, я вижу, что кое-кто здесь тебя неплохо обработал. Только этот кое-кто напрасно губу раскатывает. Есть законы, по которым эта крыса ничего не получит, как бы ни хитрила. Володя уже оформляет развод. Юридически грамотно оформляет. Ни хрена ей не достанется.

Павел Сергеевич посмотрел ей в лицо, и его вдруг передёгнуло.

– Крыса? – спросил он. – Ты сказала: крыса? Но ты ошибаешься, Света. Глубоко ошибаешься. В тебе всегда было много злости. Она не позволяла и не позволяет тебе видеть людей. Я тоже был слеп. Но мне открылось... Теперь я всё вижу... Я всех вижу... И мне страшно... Очень страшно... За себя... За вас...

Светлана в недоумении переглянулась с Анастасией. Затем бросила тяжёлый взгляд на Любу.

– Так-так! – озадаченно пробормотала она. – Кажется, ситуация ещё круче, чем я предполагала. Тут криминалом пахнет. Пойдём, Настя. Нам есть чем заняться. В другом месте. А здесь больше нечего делать.

Она развернулась и зашагала к двери.

– До свидания, папа! – растерянно пробормотала Анастасия и засеменила вслед за старшей сестрой.

– Прощайте! – бросил им вслед Павел Сергеевич.

Дверь палаты с грохотом захлопнулась. Лишь два пакета с фруктами продолжали сиротливо стоять по обеим её сторонам. Больной часто заморгал. По его щекам потекли слёзы.

3. Поручение

Люба пребывала в полной растерянности. В трёх шагах от неё на больничной койке лежал умирающий человек. Этот человек сделал всё, чтобы разрушить её семью, и доставил множество других неприятностей. Она простила его. Постаралась простить. Его мучения – телесные и душевные – пробудили в её сердце сострадание к больному. Но и сейчас, на смертном одре, он затевал какую-то странную игру. Игру, совершенно не понятную Любе и, судя по всему, грозящую ей неприятностями. Порываев внешне выглядел спокойным. Он молча смотрел перед собой. Слёзы на его щеках высохли.

– Павел Сергеевич! – вновь напомнила Люба о себе. – Объясните, что происходит.

Больной повернул к ней осунувшееся лицо.

– Устал я, – сказал он. – Опустить лежанку.

Люба подошла к нему, вернула кровать в исходное положение.

– Присядь рядышком, – попросил свёкор. – Разговор будет долгим.

Она послушно села на табурет, с тревогой глядя на больного.

– Я понимаю: тебе ситуация кажется странной и нелепой. Но на всё есть причины. Необычные, почти невероятные – но они есть. И ты постарайся поверить в то, что опухоль

в мозгу здесь совершенно не при чём. Поверь, что мой рассказ – не плод больного воображения, каким бы бредовым он тебе не показался.

Павел Сергеевич вопросительно взглянул на невестку. Она в ответ молча кивнула.

– Я виноват перед очень многими людьми, Любаша, – продолжал он. – В том числе и перед тобой. И я не могу уйти просто так, не раздав долги. Хотя бы часть из них.

– Вы мне ничего не должны, – твёрдо сказала Люба. – Я нахожусь рядом с вами не потому что...

– Знаю! – перебил он её. – Я теперь всё знаю. Потому и обратился к тебе.

– ...И мне от вас ничего не нужно.

Он грустно усмехнулся.

– Что тебе не нужно? Кушать не нужно? Одеваться не нужно? Крыша над головой не нужна? У тебя же никого не осталось, кто бы мог тебе помочь.

– Это не так, – возразила она. – У меня есть подруги и знакомые. В эти три дня я занималась решением своих проблем. И кое-что уже наметила.

Порываев тяжело вздохнул.

– Хорошо. Тебе от меня ничего не нужно. Пусть так. Но есть другие люди, которым необходимо вернуть долг. И сделать это я могу лишь с твоей помощью.

– Почему лишь с моей? У вас есть дети. Вы сегодня довольно странно и жестоко обошлись с ними, но при желании

всё можно исправить. Достаточно мне уйти, чтобы не раздражать их пустыми подозрениями, и всё станет на свои места.

– В том-то и беда, что всё было не на своих местах. Было так, как не должно быть. И будет так, как не должно быть. Сегодня ко мне приходили не мои дети. Здесь были наследники, нетерпеливо ждущие моего ухода. А Володька даже не счёл нужным повидаться с отцом перед смертью, – он немного помолчал, затем с грустью сказал: – Ты прости нас, Люба, за все обиды и несправедливости. Мы все виноваты перед тобой: и супруга моя покойная, и дочери, и сын. Я вот тут всё думал, что испортил Владимира соблазнами красивой и роскошной жизни. Властью и вседозволенностью испортил. Что, мол, не был он прежде таким, как сейчас. Дочери всегда такими были, а он нет. А теперь вдруг понял, что если проявились в нём не самые лучшие качества, значит, они всегда у него имелись. Просто прикрывал он их надуманными достоинствами: благородством, бескорыстием, заботливостью. Нас обманывал. Себя обманывал. А стоило подуть ветру – и позолота слетела. Да и с чего ему быть другим? Яблоко от яблони... Это хорошо, очень хорошо, что он сегодня не приехал. Не надо мне видеть его лица.

Последняя фраза свёкра озадачила женщину. Она вспомнила, как странно Порываев сегодня смотрел на дочерей, и по её спине побежал холодок.

– Павел Сергеевич, я не всё понимаю, – сказала Люба. – Я

вам практически чужой человек, а они всегда будут родными, как бы вы на них не обижались. Володя предал меня. Мы с ним теперь чужие люди. Но для вас он сын и всегда будет сыном. Вам надо просто...

– Люба, мы теряем время, – прервал он её нетерпеливо. – Помочь мне можешь только ты. Это не обсуждается.

– Хорошо. Что я должна делать?

– Во-первых, слушать и не перебивать. Ты готова?

Она опять кивнула. Павел Сергеевич прикрыл глаза и стал рассказывать:

– Тебе, вероятно, уже сообщили, что я пережил тяжёлый приступ. Не знаю, как это выглядело со стороны, но у меня есть все основания полагать, что я побывал по ту сторону. Я не пролетал по тёмному тоннелю с вереницей огней по краю. Не было ничего такого, о чём любят рассказывать люди, пережившие клиническую смерть. Я просто оказался нигде. Вокруг меня была мёртвая тишина и непроглядная тьма. Я пытался крикнуть, но не слышал собственного голоса. Я пытался прикоснуться к своему лицу, но ничего не чувствовал. Казалось, что это продолжается бесконечно. Меня захлестнуло отчаяние. Тогда я впервые в жизни обратился к Богу за помощью. И он откликнулся. Не могу сказать, что я слышал его голос. Слова звучали у меня внутри. А может быть, это были вовсе не слова. Но это не важно. Главное, я понимал всё, что до меня хотели донести.

Порываев умолк, готовясь сказать о самом главном.

– Вы получили указание раздать долги? – спросила Люба.

– Да. Но не только. Чтобы я не делал ошибок в оставшееся время, мне была дана необычная способность. Я стал видеть людей, как принято говорить, насквозь. Читать чужие мысли я не научился, но сущность человека, его намерения и мотивы поступков стал различать отчётливо. Сначала меня это напугало. Особенно лица. Любая зверушка, живущая в человеческой душе, стала для меня отображаться на его лице. За минувшие три дня мне довелось общаться с небольшим числом людей. Главным образом с врачами и медсёстрами. И я сделал поразительное открытие: все мы носим в себе страшных диких зверей. Порой самые неприглядные чудовища обнаруживаются у людей, которые прежде казались милыми и приятными. Я попросил медсестру убрать из палаты зеркало.

Он опять умолк, ожидая вопросов. Но Люба взволнованно молчала, и Павел Сергеевич продолжил свой рассказ:

– Я стал перебирать в памяти людей, к кому бы мог обратиться с просьбой о помощи в решении моей задачи. Нужен был человек с чистой и светлой душой, который не поддастся соблазнам, не отступит от правильного пути. И я пришёл к выводу, что таким человеком можешь быть ты. Но я не был на сто процентов уверен в том, что твоя забота обо мне бескорыстна. Мне было необходимо увидеть твоё лицо. А ты вдруг исчезла. Два дня я с нетерпением ждал тебя. А на третий после долгих раздумий решил, что нет у меня оснований

сомневаться в тебе. Вызвал сюда своего юриста и нотариуса. Передал юристу права на выполнение ряда операций от моего имени. В ближайшее время он подготовит для тебя всё необходимое.

– *Что?* – спросила Люба испуганным голосом. – *Что* он подготовит?

– Об этом мы сейчас поговорим. А пока... Когда я услышал за дверью твой голос, то похолодел от страха. Но вот ты вошла, и в палате стало светлее, словно сюда явился ангел. Ты стояла у двери в ореоле чудесного света. Я прежде и не предполагал, что ты настолько красива. И тогда я понял, что не ошибся в тебе. Ты чистый, светлый, искренний человек. Но тебя легко обмануть. Любой прохвост в два счёта обведёт тебя вокруг пальца. Светлые люди излишне доверчивы и потому уязвимы. По этой причине были приняты некоторые меры по твоей защите.

– Павел Сергеевич, что вы задумали?! – воскликнула женщина. – Говорите прямо, а то всё ходите вокруг да около. Страху на меня нагоняете, а сути дела так и не сказали.

– Да, конечно, – согласился он. – Вступление несколько затянулось. Но это было необходимое предисловие. А сейчас мы подойдём конкретно к делу. К сожалению, Светлана права: ты не можешь претендовать на долю в наследстве, даже если я включу тебя в завещание...

– Да что вы!..

– Молчи и слушай. Так вот. Всё богатство, которым я

пока ещё владею, очень скоро будет поделено между моими отпрысками, которые ждут – не дождутся моей смерти. Но у меня есть кое-какие средства, неизвестные и недоступные им. Вот эти средства я хочу передать тебе.

– Но как?!

– Ты невнимательно слушаешь, – недовольно произнёс Порываев. – Я же тебе сказал, что мой юрист всё подготовит.

– А он... юрист... какое у него лицо? – спросила Люба.

– Хищное.

– Почему же вы уверены, что он вас не обманет?

– Не обманет. Хищники бывают верными.

– Ну, так и поручите ему свою благородную миссию.

Павел Сергеевич усмехнулся.

– Он этим заниматься не станет. Он вообще меня не поймёт. Решит, что рак окончательно съел мои мозги. Благотворительность – не его добродетель.

– А по отношению ко мне?..

– Помощь близкому человеку – совсем другое дело.

Люба с сомнением покачала головой.

– Это вы теперь считаете меня близким человеком. А в его понимании я обычная сиделка.

– Это не так, – возразил больной. – Ты – моя сноха. Родственница по закону.

– Но он наверняка знает о готовящемся разводе. Иначе все эти финансовые мероприятия не имели бы смысла.

– Знает. Но это не важно, – Павел Сергеевич слегка сму-

тился. — Я намекнул ему, что мы с тобой в последнее время... стали несколько ближе.

— О, господи! — женщина опять уткнула лицо в ладони.

— Такие вещи ему вполне понятны. Кроме того, с этой сделки юристу причитается неплохой процент. Поэтому накладок не будет, — Павел Сергеевич протянул невестке визитку. — Возьми. Позвонишь ему завтра утром. Представишься: Анжела.

— Почему Анжела?

— Потому что это имя означает — ангел. Виктор Анатольевич, мой юрист, выдаст тебе паспорт на новое имя. Послушай! — повысил он голос, видя, что она собирается возразить. — Это временная необходимая мера. Светлана тебя так просто в покое не оставит. Она уверена, что тебе кое-что достанется от моих запасов. Подключит брата. А он теперь зам прокурора города — человек с возможностями. Начнут тебя пасти. Учуют деньги — всё отнимут. Так что старый паспорт пока припрядь. Как только получишь все документы и счета, сразу уезжай из Калуги как можно дальше.

Люба бросила на свёкра удивлённый взгляд.

— А как же квартира?

— Квартиру бросишь. Ты рискуешь потерять не только её. Светлана это ясно дала понять. Ни под каким предлогом не встречайся с моими детьми. Выпиской и подобными глупостями не занимайся. Просто исчезни. У тебя будет возможность приобрести любое жильё, какое захочешь. В лю-

бом городе.

– Любое жильё? В любом городе? – испуганно спросила женщина. – О какой сумме идёт речь?

– Не бог весть какое богатство, – успокоил её Порываев. – Но ты человек не избалованный. Тебе хватит на решение всех вопросов.

– Но что мне делать с остальными деньгами? Где я смогу найти тех людей, с которыми вы хотите расплатиться?

– Никого искать не нужно. Эти деньги теперь твои. Распоряжайся ими по своему усмотрению. Сама решай, кому следует помочь, а кому нет. Но в первую очередь позаботишься о себе. Это неперемное условие. И ещё. Кроме денег ты получишь от меня в наследство мой новый дар.

Люба не поняла его.

– Какой дар? – спросила она растерянно.

– Скоро ты станешь видеть людей такими, какие они есть на самом деле. Как только это случится, знай: я умер.

– Но... к чему мне такой подарок?! – Люба поднялась, взволнованно зашагала по палате. – Павел Сергеевич, мне это не нужно. Зачем вы так со мной?

– Так тебя никто не сможет обмануть. Нет смысла спорить на эту тему. Неужели ты думаешь, что я способен наделять людей такими возможностями? Всё решено *там*, – он кивнул головой наверх. – Я лишь выбрал тебя. А теперь пора прощаться. Ступай, Любаша. Ступай, хорошая. Счастья тебе и удачи во всех делах!

Люба вышла из палаты в крайнем смятении. В груди бешено колотилось сердце. То, что ей предстояло сделать, пугало её до дрожи во всём теле. Но отступить было поздно. Так и не справившись с волнением, она спустилась вниз, взяла в гардеробе своё пальто и покинула больницу.

4. Бегство

«Виктор Анатольевич Иващенко. Юрист» – так было написано в визитке. Далее следовали номера телефонов – офисного и мобильного – и адрес электронной почты. Люба сидела на диване, держа в руках мобильник, и всё не решалась позвонить. От волнения по всему телу пробегала дрожь, словно от озноба. Пересилив свой страх, она всё же заставила себя набрать номер и сделать вызов.

– Виктор Анатольевич, вас беспокоит Анжела...

– Здравствуйте, Анжела! – раздался в трубке приятный баритон. – Я ждал вашего звонка. Могу вас обрадовать: наши дела идут успешно.

– Когда мы можем встретиться?

– К вечеру всё будет готово. Я позвоню.

– Хорошо. До вечера!

Отключив телефон, Люба нервно заходила по комнате. Настенные часы показывали половину десятого. До вечера было слишком далеко. Она понимала, что вот так просто сидеть и ждать целый день не сможет – нервы не выдержат напряжения. Надо было найти себе занятие. Люба набросила на плечи демисезонное пальто и вышла из дома.

Она бродила по улицам, стараясь отвлечься от страхов и тревог, но подсознание раз за разом возвращало её к тревожной действительности. В какой-то момент она вдруг по-

няла, что не готова начинать новую жизнь. Нет, она была готова ко многим ожидающим её неминуемым трудностям – жилищным, финансовым и прочим. Но жить под чужим именем ей было страшно. Да ещё чужие деньги, которыми ей придётся распорядиться в ближайшее время. Сколько их? Судя по всему, не меньше десяти миллионов рублей. А вдруг даже двадцать? От этих мыслей становилось страшно.

Одолеваемая сомнениями, Люба была почти готова отказаться от предложенной ей роли. Но вдруг зазвонил телефон.

– Сегодня вечером будь дома, – звучал в трубке властный голос старшей дочери Порываева. – Надо обсудить ряд имущественных вопросов. Конечно, можно всё решить через суд, но будет лучше, если мы сможем мирно договориться.

– У меня с тобой нет общих имущественных вопросов, – сказала Люба.

– Не умничай! – резко одёрнула её Светлана. – Я буду вести разговор от имени брата.

– Что же он сам не приедет? Вопрос касается нас двоих.

– Володя занят. Да и какая тебе разница? Всё уже решено: вечером получишь отступные – и можешь катиться на все четыре стороны. Так что будь дома.

У Любы похолодело в груди. Теперь она сама почувствовала всю серьёзность нависшей над ней опасности, о которой предупреждал Порываев. Она предприняла попытку выиграть время.

– Если Володя занят, мы можем перенести встречу на завтра или любое другое время, когда ему будет удобно. Без его участия я ничего обсуждать не стану.

– Ладно, – прошипела Светлана. – Будет тебе Володя. Так что сиди дома и жди. И не вздумай выкинуть какой-нибудь фортель – себе хуже сделаешь. Поняла?

– Поняла, – ответила Люба и выключила связь.

Звонок отрезвил её, вытеснил из души все страхи и сомнения. Она набрала на телефоне номер Иващенко.

– Виктор Анатольевич, ситуация осложнилась. Вечером ко мне приедут дети Павла Сергеевича. Боюсь, что не только они.

– Так-так, – пробормотал юрист и после небольшой паузы сказал: – Возьмите самое необходимое и уходите из квартиры. Знакомых и родственников навещать не следует. Проведите время в общественных местах, где много народа: сходите в кино, посидите в кафе. Главное – будьте на связи. Я потороплю наших друзей с заказом. Вам необходимо поскорее уехать.

Люба вернулась в квартиру. Собрала и уложила в дорожную сумку необходимые в пути вещи. Внимательно огляделась, чтобы ничего важного не упустить из виду. На глаза ей попала книга, лежащая на журнальном столике. Она подошла к столику, взяла том в руки. На обложке значилось: «Иван Чай. Иллюзия жизни. Роман». Две книги этого автора, ставшие для Любы одними из самых любимых, ей на день

рождения прислала в подарок подруга. Одна из этих книг осталась в больничной палате. Женщина тяжело вздохнула о потере. Затем уложила в сумку оставшийся у неё том.

* * *

Около четырёх часов дня позвонил Иващенко. Люба сидела за столиком кафе, поставив свою дорожную сумку на соседний стул. Выяснив, где она сейчас находится, юрист пообещал подъехать к кафе в течение двадцати минут. Вскоре он позвонил снова, сообщив, что его тёмно-коричневый джип «мерседес» припаркован на ближайшей к кафе стоянке. Взяв вещи, Люба направилась к машине.

Она узнала хозяина джипа. Ей приходилось два или три раза видеть его в компании своего важного и влиятельного свёкра. Этот человек всегда был сдержан, вежлив и ровен в общении, словно негативные эмоции были ему абсолютно чужды. Его лицо нередко озаряла лучезарная улыбка, способная очаровать любую женщину, не смотря на то, что хозяйину этой улыбки, вероятно, давно перевалило за пятьдесят.

Вот и сейчас он приветливо улыбнулся Любе, словно и в самом деле был очень рад видеть её. И сразу приступил к делу.

– Ваш новый паспорт, – сказал он, передавая женщине документ. – Ознакомьтесь с ним.

Люба открыла главную страницу.

– «Солнцева Анжела Борисовна», – прочла она вслух.

– Так пожелал Павел Сергеевич, – предупредил её вопрос Иващенко. – Я предлагал ему использовать одну из наиболее распространённых фамилий. Да и имя не мешало бы выбрать попроще. Но на этот раз он меня не послушал. Я не стал настаивать. Теперь о деньгах, – Виктор Анатольевич передал Любе небольшой кейс. – Здесь банковские карты и планшет, в котором вы найдёте всю необходимую вам информацию. Планшет закрыт паролем. Пароль: «наследство». К каждой банковской карте приложена отдельная sim-карта, на которую вы будете получать коды доступа. Постарайтесь сегодня же уехать из Калуги. Свои новые данные здесь засвечивать нежелательно, поэтому сначала воспользуйтесь автобусом. Доберитесь до ближайшего крупного города, снимите номер в гостинице. Там в спокойной обстановке разберитесь со своими делами, определитесь с новым местом жительства. И – в дальнейший путь. Поездом или самолётом. Я бы вам посоветовал уехать куда-нибудь в далёкий большой город, где вас никто не знает. В Сибирь или на Дальний Восток. Понимаете меня?

– Да-да, я вас понимаю, – торопливо проговорила Люба. – Спасибо вам за всё!

Она взялась за ручку дверцы, но юрист задержал её.

– Не спешите, – сказал он. – Хочу обратить ваше внимание на кое-какие мелочи. Видите ли, дорогая Анжела, вы сейчас стали владелицей довольно приличного состояния,

но вид у вас такой, словно вас только что ограбили, отняв последнее.

Люба вопросительно взглянула на него.

– У вас вид жертвы, – пояснил Виктор Анатольевич. – Вы привлекаете к себе внимание. А вам надо слиться с массой, стать неприметной. И ещё. Не исключено, что вас будут искать. Возможно, ваши фотографии появятся на экранах телевизоров и в интернете. Постарайтесь по возможности изменить внешность: причёску, макияж. Но главное – обрести уверенность в себе. Это качество, несомненно, преобразит ваше лицо.

Закончив наставления, Иващенко отвёз женщину к автовокзалу, высадив её в целях конспирации за квартал до пункта назначения.

В кассе автовокзала Люба приобрела билет до Тулы и вскоре уже тряслась в автобусе междугороднего рейса.

В гостинице «София» она сняла на новое имя одноместный номер. Заперев дверь на ключ, приступила к изучению содержимого кейса. Кроме планшета она обнаружила несколько конвертов, в каждом из которых находились по одной банковской и одной телефонной карте. Конверты и их содержимое были соответственно пронумерованы маркером. Люба включила планшет, набрала пароль. Ей открылась вся необходимая информация – пароли к банковским картам, а также логины и пароли к личным кабинетам. Лю-

ба вошла в интернет и стала просматривать свои счета. Чем дальше она просматривала, тем страшнее и неудобнее ей становилось. Покончив с этим занятием, выключила планшет и обессиленно плюхнулась на кровать. «Не бог весть какое богатство», как выразился Павел Сергеевич Порываев, составляло в общей сложности шестьдесят четыре миллиона рублей.

Однако следовало определиться с выбором места жительства. Но в душе и голове был полный сумбур. Хотелось хотя бы на время отвлечься, отстраниться от текущих проблем. Она извлекла из дорожной сумки книгу, раскрыла её. На титульной странице, как и на обложке, значилось имя автора и название романа. А в самом низу страницы Люба прочла: «Издательство „Ветер“ г. Томск».

«Значит, Томск, – подумала она. – Ну что ж, выбор сделан».

И вдруг почувствовала себя спокойно, словно с этого момента стала другим человеком. Начиналась новая, неведомая, незнакомая жизнь. И не факт, что эта жизнь будет хуже предыдущей. В любом случае отступить было поздно. Да и некуда. Узнав в справочной телефонный номер аэропорта, Люба заказала билет на утренний рейс.

5. С чистого листа

В сибирском городе Томске было ещё холодней, чем в Калуге или Туле. Люба вышла из здания аэровокзала. Вечерело. Хотелось поскорее добраться до города и найти себе пристанище. Постояв десять минут на автобусной остановке, женщина изрядно продрогла. Она огляделась и, увидев в отдалении стоянку такси, торопливо направилась к ней.

Люба проходила мимо стоянки личного автотранспорта, когда услышала звук клаксона. Из новенького синего «форда» выглянул высокий молодой мужчина приятной внешности и спросил, приветливо улыбнувшись:

– В город?

Люба остановилась.

– Да.

– А куда конкретно? – задал он очередной вопрос и, видя, что женщина замешкалась, торопливо пояснил: – Я вот почему спрашиваю: может быть, нам по пути. Я бы вас подбросил.

Она ещё немного постояла в нерешительности, затем сказала:

– Мне надо поселиться в гостинице.

– Понятно, – протянул хозяин «форда». – Не волнуйтесь, доставлю прямо к крыльцу. Вам какой отель предпочтительней: покруче или, напротив, подешевле? – спросил он, выхо-

дя из машины и распахивая для незнакомки правую переднюю дверцу.

Люба пожала плечами.

– Это не важно. Наверное, лучше выбрать что-то среднее.

Она заняла место в салоне, расположив свои вещи на коленях.

– Принято. Довезу, куда следует, – сказал парень. – Вам, вероятно, не слишком удобно держать на коленях дорожную сумку. Позвольте, я поставлю её в багажник.

– Нет, спасибо. Мне удобно.

– Как знаете.

Он сел на водительское кресло, однако не спешил трогаться с места.

– Почему мы не едем? – спросила Люба.

– Я брата встречаю. Он недавно прилетел. Зашёл в буфет выпить кофе. Появится с минуты на минуту. А вот, кстати, и он.

От здания к машине степенно шагал мужчина на вид чуть больше тридцати лет с чемоданом в руке в приличном пальто и шляпе. Люба открыла дверцу и вышла из машины.

– Куда вы, девушка? – воскликнул водитель, пытаясь удержать её, схватив за рукав. – Не волнуйтесь, мой брат – интеллигентный и очень хорошо воспитанный человек.

– Я расположусь на заднем сидении, – сказала Люба. – Будет правильнее, если ваш брат сядет рядом с вами. Вам, наверное, есть о чём поговорить.

– Пустяки. Успеем наговориться с ним. Садитесь в машину. Мне приятно, когда рядом такая очаровательная женщина. Брат не будет в претензии. Взгляните на него – он сама деликатность.

Подходивший мужчина действительно имел вид культурного интеллигентного человека. И вдруг с ним что-то произошло. Что-то стало не так. Мужчина подходил ближе, и Люба всё отчётливее видела его лицо. Её передёрнуло. Это было даже не лицо, а страшная звероподобная морда. Душу женщины захлестнула тревога. Она в недоумении обернулась к водителю и тут же в ужасе отшатнулась. За рулём сидело чудовище, ещё более страшное. С неожиданной для себя силой женщина вырвала руку из его цепких пальцев и побежала прочь.

Пробежав метров тридцать, она остановилась и вновь огляделась. Два страшных монстра стояли у машины и о чём-то переговаривались, глядя ей вслед. Быстрым шагом, почти бегом, Люба направилась к стоянке такси. Водители выходили из машин, наперебой предлагая ей свои услуги. Она вглядывалась в странные, изменившиеся лица людей, на которых внезапно в разной степени отразилась печать иных существ. И хотя среди них не было явных чудовищ, всё же у большинства проглядывал довольно хищный вид. Наконец в этом странном маскараде Люба увидела светлое человеческое лицо. Пожилой таксист улыбнулся ей.

– Вы отвезёте меня в город? – спросила она.

– С удовольствием! – ответил он. – Садитесь.

Люба расположилась на заднем сидении. Водитель занял своё место, спросил:

– Куда вас доставить?

– До гостиницы.

– Попутчиков будем брать?

– Нет.

Таксист взглянул в салонное зеркало, расположенное на ветровом стекле.

– У вас печальный вид, – сказал он. – Что-то случилось?

– Да, случилось, – ответила женщина. – Буквально пять минут назад умер мой свёкор.

– Соболезную! Увы, все мы смертны.

Он включил скорость и плавно, как большинство пожилых водителей, повёл машину в сторону города. Проезжая мимо стоянки личного транспорта, Люба отметила, что злополучного «форда» там уже нет. Как ни парадоксально, но тяжёлый и крайне нежелательный дар, доставшийся в наследство от Порываева, спас Любе жизнь. Иначе бы она в самое ближайшее время отправилась вслед за своим свёком.

– В какую гостиницу вы бы хотели поселиться? – подал голос водитель.

– Я совершенно не знаю города, – призналась Люба. – Полагаюсь на ваш выбор.

– Мне выгоднее увезти вас как можно дальше. Другой бы на моём месте так и поступил. Но я не люблю морочить лю-

дям головы.

– А какие расположены не слишком далеко?

– Ближе всех гостиница «Томск». Она находится возле вокзала. Роскошью не блещет, но вполне приличная. Чуть далее...

– Нет-нет, спасибо! – прервала таксиста Люба. – Меня устраивает первый вариант. Везите меня к гостинице «Томск».

Добравшись до отеля, она расплатилась с водителем.

– Я подожду вас, – сказал он. – Если не будет свободных мест, поедем дальше.

– Хорошо.

Ей повезло: для неё нашёлся свободный одноместный номер. Отпустив такси, женщина поднялась на свой этаж. Она шла, стараясь не смотреть в лица людей, попадавших на пути. В номере Люба приняла душ и забралась в постель, хотя вечер только начинался. Не хотелось никуда идти и никого видеть. Она уткнулась лицом в подушку и заплакала, осознавая, насколько круто изменилась отныне её жизнь. Страх заполнил всё её существо, каждую клеточку организма. Сможет ли она жить, имея способность просвечивать души людей, словно рентгеновский аппарат? По силам ли ей ежедневно видеть насквозь всю грязь и черноту окружающего мира? А вдруг – нет? Вдруг она не выдержит и сойдёт с ума?

Утром, глядя в зеркало на своё скорбное осунувшееся лицо, Люба пришла к выводу, что долго так не протянет, если не изменит в корне своего отношения к тому, что уже произошло. Заставив себя успокоиться, она занялась планированием своих дальнейших действий. В первую очередь требовалось привыкнуть к новым условиям жизни. Время и средства для этого у неё имелись. Значит, этот гостиничный номер на какой-то срок должен стать её домом. Отсюда она станет делать краткосрочные выходы в окружающий мир, постепенно увеличивая время пребывания среди людей, так сильно изменившихся в её восприятии. Со временем всё станет на свои места. Люди ко всему привыкают. Значит, и она привыкнет.

И лишь тогда, когда научится контролировать свои эмоции, можно будет приступить к поиску жилья, а также к выполнению возложенной на неё благородной миссии. Жить с новыми способностями будет нелегко, но и польза от них очевидна.

Люба вновь подошла к зеркалу и улыбнулась своему отражению.

Глава 2. Персонаж

1. Клеопатра

Иван откинулся на спинку стула и сладко потянулся. Очередной эпизод закончен. И, кажется, очень неплохо получился. Конечно, чуть позже он вернётся к нему, найдёт массу недоработок, внесёт множество поправок и дополнений. Но это потом. Сейчас необходимо сделать перерыв. Пусть тема окончательно созреет. Серьёзная работа не терпит суеты. Часы на компьютере показывали половину пятого. Лена ещё на работе. Через часок она будет дома. А пока можно просто побродить по улицам.

Он поднялся, подошёл к окну. Термометр снаружи показывал плюс три градуса. Иван от досады поморщился. Чёртов май! Самый противный месяц в году. То дождь, то снег. При этом ещё ветер и собачий холод. Продолжая мысленно ругать сибирский климат и самый плохой в году месяц, он оделся потеплее и вышел во двор.

Однако с прогулкой ничего не вышло. Не успел Иван отойти и на десять шагов от крыльца своего подъезда, как из стоящего во дворе белого «BMW» выбрался крепкий парень и преградил ему путь.

– Иван Алексеевич? – спросил молодой человек, и его су-

ровое лицо преобразилось улыбкой.

– Что вам нужно? – задал встречный вопрос Иван.

– Нам необходимо проехаться. С вами хочет встретиться очень серьёзный и уважаемый человек. Прошу! – парень указал рукой на машину.

Всё это было странно и неожиданно. Иван удивлённо смотрел на незнакомца. В груди тревожно кольнуло. Парень заметил его волнение.

– Да вы не бойтесь, Иван Алексеевич, – сказал он, вновь одарив собеседника улыбкой. – Вам абсолютно ничего не грозит.

– Кому и зачем я понадобился? – спросил Иван, чувствуя, что волнение всё больше овладевает им. Успокоительные слова молодого человека подействовали на него прямо противоположным образом.

– Узнаете, когда приедем.

– Я занят и никуда с вами не поеду, – решительно заявил Иван.

Он хотел обойти незнакомца, но тот крепко взял его за руку выше локтя. Молодой человек уже не улыбался. Его лицо приняло жёсткое выражение.

– Не глумите, Иван Алексеевич, – сказал он. – Садитесь в машину. Других вариантов нет. Мне приказано доставить вас, и я это сделаю.

Сопротивляться не имело смысла. Иван понял, что придётся ехать при любом раскладе. Если ему предварительно

не позвонили и не предложили встретиться, а сразу направили по адресу курьера, который, вероятно, не один час прождал «клиента» в машине, значит, отказ изначально не брался во внимание.

– Хорошо, – сказал Иван. – Поедем, если других вариантов нет.

Машина выбралась из двора и резво помчалась по улицам города. Спустя десять-двенадцать минут они подъехали к зданию, в котором располагался ночной клуб «Клеопатра». Вслед за сопровождающим его крепышом Иван поднялся на высокое крыльцо служебного хода и вошёл внутрь. Дойдя по коридору до массивной деревянной двери, сверкающей вишнёвым лаком, парень остановился и громко постучал.

– Войдите! – слышался из-за двери мужской голос.

В просторном богато убранном кабинете за столом сидел мужчина впечатляющей наружности. Грубое волевое лицо, изрезанное морщинами, и коротко стриженные седые волосы, казалось, говорили о солидном возрасте. Отпустив небрежным жестом своего подчинённого, он с полминуты посверлил гостя острым колючим взглядом и вдруг добродушно улыбнулся.

– Проходите, Иван Алексеевич. Присаживайтесь.

Иван прошёл и сел в кресло, на которое указал хозяин кабинета.

– Кто вы, и зачем я вам понадобился? – спросил он.

– Я владелец этого заведения. Меня зовут Сергей Семёнович. Впрочем, – хозяин ночного клуба опять улыбнулся, – это я для подчинённых Сергей Семёнович. А для тебя я – просто Сергей. Лады? Мы с тобой, Ваня, практически ровесники. Тебе, насколько мне известно, около сорока?

– Тридцать восемь.

– Ну вот. А мне сорок три. Да-да, не удивляйся. Понимаю, что выгляжу значительно старше. Бурная жизнь наложила свой отпечаток. Так сказать, ошибки молодости. Но не будем ворошить прошлое. Нет, вру, – Сергей засмеялся. – Всё как раз наоборот. Я тебя сюда и пригласил, чтобы поворошить моё прошлое.

– А конкретнее?

– Всему своё время. Сначала ответь, как у тебя обстоят дела с финансами?

– Хотелось бы лучше, – признался Иван.

Сергей картинно вздохнул.

– Я так и думал. Не бережёт наше отечество таланты. Бездумно разбрасывается золотым генофондом. Что поделать, время нынче такое – подлое, алчное, корыстное. Бездуховное!

– Зачем меня сюда привезли, Сергей Семёнович? – нетерпеливо спросил Иван.

– Ну-ну, Ваня! К чему этот официоз? Мы же договорились: на «ты» и по имени. Не суетись. Сейчас мы неспешно обсудим все вопросы.

Хозяин кабинета нажал кнопку на стоящем на столе аппарате и сказал, слегка наклонившись:

– Светик, принеси коньячок, закуску и посуду на две персоны.

– Сию минуту, Сергей Семёнович! – послышался женский голос из динамика.

И действительно, не прошло и минуты, как в кабинет грациозно вошла высокая красавица в изящной униформе, тонко подчёркивающей физические достоинства своей хозяйки. Такой необыкновенной, неземной красоты Ивану прежде видеть не доводилось. Милое, нежное и отнюдь не глупое лицо обрамляли густые светлые волосы, мягко спадающие на плечи. Было странно осознавать, что такое небесное создание обитает в сибирском ночном клубе, а не блистает на подиуме или в голливудских фильмах.

Ослепительно улыбнувшись Ивану, женщина поставила на стол поднос, на котором красовалась бутылка французского коньяка, две хрустальные стопки, а также бутерброды с чёрной икрой и розовые ломтики мяса, аккуратно разложенные на большой тарелке.

– Что-нибудь ещё, Сергей Семёнович? – спросила она.

– Спасибо, золотко! – ответил босс. – Ты свободна.

Красавица повернулась и, покачивая бёдрами, также плавно удалилась. Не в силах оторвать глаз, Иван смотрел ей вслед, пока дверь за женщиной не закрылась. Он даже на время забыл о своих тревогах. Сергей Семёнович внима-

тельно наблюдал за ним.

– Как она тебе? – спросил он гостя.

– Красивая, – сказал Иван.

– Не то слово! – воскликнул Сергей. – Шикарная женщина. Богиня! На улицу выходит – у мужиков шеи хрустят. Да только не по зубам им такой лакомый кусочек. Но для моих друзей нет ничего недоступного. Я умею ценить надёжных и преданных людей. Давай, Ваня, выпьем за наше знакомство, за дружбу.

Он взял бутылку и стал наполнять стопки. Нервное напряжение, охватившее Ивана ещё во дворе, неуклонно нарастало с каждой минутой. Хотелось поскорее выяснить причину его доставки сюда, но ему никак не удавалось прервать затянувшееся предисловие к основному разговору.

– Постой, Сергей! – сказал он решительно. – Давай обсудим все вопросы на трезвую голову. Выпить мы всегда успеем.

Хозяин кабинета окинул его внимательным взглядом и вдруг рассмеялся.

– На трезвую голову? Ты серьёзно?

– Ну да. Что в этом смешного?

– Количество спиртного, приятель. У нас смешное количество спиртного. Одна бутылка на двоих плюс шикарная закуска. От чего тут пьянеть?

Иван молчал, не зная как возразить, чтобы его правильно поняли. Ему, не большому любителю алкоголя, бутылка

коньяка на двоих не казалось смешной. У Сергея, видимо, были совсем иные представления на этот счёт. Однако он не стал настаивать. Поставив бутылку, сказал слегка разочарованно:

– Ладно, поговорим о деле. А дело вот в чём. Как-то мне довелось прочесть одну из твоих книг. «Счастье в клеточку» называется.

Иван невольно поёжился. Меньше всего ему хотелось, чтобы Сергей прочёл именно эту книгу. Уголовный мир, к которому, без всякого сомнения, принадлежал владелец ночного клуба «Клеопатра», в этом романе был представлен крайне неприглядно и охарактеризован весьма нелестными эпитетами.

– Это не самая лучшая моя работа, – пробормотал незадачливый писатель. – Если тебе в ней что-то не понравилось...

– Брось ты! – с усмешкой прервал его Сергей. – Мне плевать, *что* и о *ком* ты пишешь. Важно другое: каким языком написано произведение, насколько точно автору удаётся найти нужные слова, чтобы передать суть. И в этом ты, уважаемый Ваня Чай, большой спец. Кстати, почему у тебя такой странный псевдоним?

– Из-за фамилии, – сказал Иван. – Моя фамилия Кипреев.

– И что?

– Иван-чай по-научному называется кипрей.

– Ага, понятно. Вот ведь: век живи – век учись. Так вот,

Ванюша, как я уже сказал, пишешь ты очень хорошо. Язык лёгок, сюжеты закручены лихо. Интуиция на высоте. Но порой ситуации выглядят немного наивно. Не хватает тебе знаний и жизненного опыта. Я же всю эту кухню знаю изнутри. Сам прошёл через то, о чём ты пишешь. И скажу тебе, на самом деле всё гораздо страшнее и грязнее. И я подумал, а почему бы мне самому не попробовать себя в литературе? Почему бы не запечатлеть свой богатый событиями жизненный путь на страницах собственной книги? Так сказать, в наидание потомкам. Как словом, так и делом. Взялся я, Ваня, за работу. Тяжко мне пришлось по неопытности. Но дело сделал – написал свою книгу. Хорошая вещь получилась – умная, интересная, насыщенная событиями. И мораль присутствует. А вот чего в ней нет, так это лёгкости. Язык не тот. Не получается у меня, Ваня, сплести слова так же ловко, как это делаешь ты. Поэтому я и пригласил тебя, чтобы ты помог мне в этом деле.

Всё стало ясно, как божий день: новоиспечённому писателю требовался редактор. И не просто редактор, а человек, способный заново перелопатить весь этот, с позволения сказать, «литературный» труд, насыщенный бурными кровавыми событиями и уголовной моралью. Переделать его так, чтобы он принял привлекательный вид. Учитывая личность заказчика, отказывать напрямую было страшновато. Иван решил прикинуться простачком.

– Чем же я тебе помогу? – спросил он, изобразив на лице

недоумение. – Уроки письма преподам? Вряд ли это поможет. У каждого писателя свой стиль...

– Кончай придуриваться! – неожиданно грубо повысил голос Сергей. – Всё ты прекрасно понимаешь: книгу надо отредактировать. Бери материал и приступай к делу.

Он вынул из тумбы толстую пачку листов формата А4 и положил перед гостем.

– Вот это всё, Ваня, надо переработать, – заговорил он вновь миролюбивым тоном. – Платить буду из расчёта: штука за страницу. Деньги получать будешь поэтапно – за каждую высланную мне порцию работы. Плюс ко всему в книге тебя отметят как редактора. Псевдоним или фамилия – как пожелаешь сам. Бери материал.

Иван затряс головой.

– погоди, Сергей!..

– Что не устраивает? Стоимость работы? Назови свою цену. Я готов пойти на уступки.

– Ты меня не понял. У меня сейчас много *своей* работы. Я пишу новый роман. Мне некогда заниматься редактурой.

– А может быть, это ты меня не понял? – в голосе хозяина кабинета прозвучало открытое недовольство. – Я тебе предлагаю конкретный заработок. Твои романы тебе большой доход приносят?

Иван взволнованно молчал. Внутреннее напряжение подходило к верхнему пределу.

– Чего ты ерепенишься, парень? – продолжал наседать

Сергей. – Предупреждаю: я не люблю тех, кто мне отказывает.

– Я ещё не отказал, – неуверенно пробормотал Иван. – Но мне надо подумать. Имею я на это право?

Хозяин «Клеопатры» вновь уставился на него колючим взглядом.

– Имеешь, конечно. Думай, Ваня, думай. Только недолго. Сегодня до полуночи дашь мне ответ, – он протянул Ивану визитку. – Позвонишь по этому номеру. Не позвонишь – значит, отказал. На сегодня всё. Я скажу, чтобы тебя отвезли обратно.

Он потянулся к телефону.

– Не надо, – сказал Иван. – Я сам доберусь.

По лицу Сергея скользнула усмешка.

– Не бойсь. Никто тебя не тронет. По крайней мере – пока.

– Я сам доберусь, – повторил Иван.

Кивнув на прощание, он вышел из кабинета.

Он спустился по лестнице и зашагал дворами, тревожно озираясь. Но никто его не преследовал. Иван понемногу успокоился. И тут же на смену тревоге явилась злость. По какому праву этот самодовольный тип, по сути – уголовник, распоряжается его временем, планами и, судя по недвусмысленным намёкам, готов распорядиться его жизнью? Почему на эту сволочь нет никакой управы?

Но это была не единственная причина злости. Перед мыс-

ленным взором Ивана предстала необыкновенно красивая женщина, совсем недавно увиденная им. Как она попала в это сомнительное заведение, официально именуемое ночным клубом? Какие задания и поручения там выполняет? Судя по словам босса, круг её деятельности отнюдь не ограничивается обязанностями секретарши.

Потом его злость перекинулась на самую обладательницу неземной красоты. Ведь, скорее всего, никто её туда насильно не тащил. Самой захотелось красивой и роскошной жизни. Или всё же не самой?

Иван остановился, внезапно удивившись собственным мыслям. Чёрт возьми, куда его понесло? Какое ему дело до совершенно незнакомой, чужой женщины? Но, немного покопавшись в себе, он понял истинную причину нахлынувших эмоций: красавица Света улыбнулась ему. Перед такой улыбкой трудно, почти невозможно устоять. Пожалуй, от неё у любого мужчины может «снести крышу».

Он тряхнул головой, сбрасывая наваждение, и зашагал дальше, переключив свои мысли на другие проблемы.

2. Размолвка

Лена уже вернулась с работы. Впустив гостя в квартиру, удивлённо спросила:

– Ты чего такой взбудораженный? Что-то случилось?

Иван посмотрел в зеркало, висящее на стене в прихожей. Да, видок у него и вправду был слишком выразительный. Видимо, за последние двадцать минут так и не смог успокоиться.

– Да, Лен, нарвался я сегодня на приключение, – сказал он.

– Ладно, мой руки и проходи на кухню. Я ужин разогрела. Заодно расскажешь мне о своём приключении.

Иван вдруг почувствовал зверский голод. С удовольствием уплетая котлету с картофельным гарниром, он подробно рассказал Лене о сегодняшней встрече с владельцем ночного клуба. Она очень внимательно слушала и, когда Иван закончил рассказ, настороженно спросила:

– И что? Что ты решил?

Он посмотрел ей в глаза.

– Что я должен решить, Леночка?

– Ты позвонишь ему?

– Нет, конечно.

– Почему?

– Что значит – «почему»? – удивлённо спросил Иван. –

Неужели это надо объяснять?

– Представь себе! – воскликнула она, едва сдерживая эмоции. – Мне вот совершенно не понятно, почему ты хочешь отказаться от денег, которые сами плывут тебе в руки. Ты же на этом предложении мог бы прилично заработать! Причём, занимаясь тем делом, которое тебе нравится, и которое ты умеешь очень хорошо делать.

Иван положил вилку, выпрямился.

– Что мне нравится? – спросил он сердито. – Делать из дерьма конфетку? Придавать изящный вид уголовному бреду?

– Да с чего ты взял, что там бред? – всё больше распалялась Лена. – Ты ведь даже не заглянул в его бумаги!

– А в этом не было необходимости. Достаточно было пообщаться с автором этого творения. Он как был уголовником, так им и остался. Причём, судя по всему, очень опасный тип.

– Тем более! Зачем наживать себе опасного врага?

На Ивана вдруг накатила усталость. Нервная система сегодня оказалась явно перегруженной. Он рассчитывал, что Лена его поймёт и поддержит. И вдруг столкнулся с полным непониманием.

– Лена! Леночка! Услышь меня! – проговорил он, стараясь унять заползающую в душу досаду. – С такими людьми дружить не менее опасно, чем враждовать. Но самое страшное в другом. Подобная халтура не пройдёт, не может прой-

ти для меня бесследно. Мне за неё придётся заплатить очень дорого.

– О чём ты говоришь? – опять насторожилась Лена. – Думаешь, твой заказчик станет втягивать тебя в свои тёмные дела?

– Да нет же, нет! Я не об этом. Пойми: я писатель. У меня есть божий дар и твёрдая жизненная позиция. И я не хочу торговать ни тем, ни другим. Я хочу создавать настоящие вещи, а не разменивать свой талант на дешёвые поделки.

– Ах, вот ты о чём. Ладно, забудем про пишущего уголовного. Но если ты не забыл, моя подруга познакомила тебя с одним состоятельным человеком, который согласился стать твоим спонсором. Две твои книги были изданы приличными тиражами и неплохо разошлись. И даже принесли тебе некоторый доход, хотя ты сам в их издание не вложил ни копейки. Почему ты прервал отношения с этим человеком?

– Разве я тебе не говорил? – задал встречный вопрос Иван, уже не скрывая досады. – Мой благодетель стал диктовать мне, что и как писать. Он настаивал, чтобы в моих книгах было меньше политики, морали и психологии, а больше откровенных сцен и мордобоя. По большому счёту, его интересует не литература, а конъюнктура. Он коммерсант, взявший себе право вмешиваться в творческий процесс.

– Но неужели нельзя было с ним договориться, найти компромисс? Что тебе стоило чуточку уступить? Самую малость. Возможно, его бы это устроило.

– Его – возможно. А меня – нет.

– Почему?!

– Потому что литература – это искусство. Я художник, а не ремесленник. И я не хочу торговать своим талантом.

– А кушать хочешь...

Это был не вопрос и даже не констатация факта. Это был упрёк – звонкий как пощёчина. Иван замер. Затем поднялся и вышел из-за стола.

– Спасибо, Лена, за ужин!

Она тоже встала.

– А чего ты ждал от меня, Кипреев? Понимания и сочувствия? В зеркало посмотри. Взрослый мужик – достаточно молодой и достаточно крепкий. А работаешь сторожем за гроши.

– Охранником.

– Не вижу разницы. На твою зарплату даже существовать невозможно, а не то что жить.

– Я подрабатываю по возможности, и ты это знаешь, – стал защищаться Иван. – А работа в охране позволяет мне заниматься творчеством.

– Много тебе дало твоё творчество, Кипреев? – продолжала наезжать на него Лена. – В твоём положении надо цепляться за любую возможность заработать, а не трястись над своим целомудрием.

Иван отметил про себя, что примерно те же слова ему говорил владелец «Клеопатры». Злость захлестнула его. Но он

не мог найти веских аргументов, чтобы дать отпор её наездам. Поэтому «выпустил пар» в другом направлении.

– Что ты заладила: «Кипреев», «Кипреев»? Имя моё забыла?

– Да нет, помню: Иванушка-дурачок.

Это было уже слишком. Агрессия подруги явно зашкаливала. Продолжать разговор не имело смысла. Было бы разумнее продолжить его позже, когда она успокоится. Да и самому не мешало бы прийти в душевное равновесие.

– Пожалуй, я пойду, – сказал Иван. – Зря ты, Лена, так горячишься. Никогда прежде не видел тебя такой.

Она молчала. У двери он обернулся.

– Я позвоню.

– Позвони, Ваня. Непременно позвони, – сказала Лена. – Но только после того, как позвонишь своему заказчику.

Иван посмотрел в её сердитое лицо, кивнул на прощание и ушёл.

* * *

Весь остаток вечера он не находил себе места. Досадные, неприятные мысли не давали покоя. Но ни о чём другом думать не получалось. Иван попытался отвлечься, продолжив работу над новым романом, но из этого ничего не вышло. Работа не клеилась. Чем дольше Иван размышлял над сложившейся ситуацией, тем отчётливее сознавал, что без по-

теперь ему из неё не выйти.

Он всегда презирал тех представителей творческого сообщества, которые готовы были продать свой талант за деньги, звания, положение в обществе и прочие блага. Под словом «продать» Иван подразумевал не само по себе стремление заработать творчеством, а готовность пойти на любые уступки, сделку с совестью, перешагнуть через моральные и нравственные границы и даже «наступить на горло собственной песне». Таких людей он называл «творческими проститутками». Сегодня ему предложили не что иное, как присоединиться к этому «литературному борделю». И Лена, как ни тяжело это сознавать, поддержала такое предложение.

По-человечески Лену можно понять. Вечная нехватка средств – тяжёлый крест в мире, где всё базируется на деньгах. Но ведь если пустить на продажу всё, то ничего святого в мире не останется. Должна же она это осознать!

А если нет? Если не захочет осознать?

Иван искренне жалел о том, что рассказал Лене про заказ. С другой стороны, промолчать об этом он тоже не мог. В их отношениях главным правилом было говорить только правду и ничего друг от друга не скрывать. До сей поры искренность и откровенность не доставляли неприятностей. Напротив, доверительные отношения создавали уютную, душевную атмосферу. Иван очень дорожил этими отношениями. Была ли это любовь? Он не раз задавался таким вопросом. Его тянуло к Лене. С ней рядом было тепло, светло, ком-

фортно. Забота, внимание, разговоры по душам – возможно, это и есть любовь, когда возраст приближается к сорока годам?

Но сегодня вдруг произошёл сбой. А может быть, и не вдруг. Скорее всего, недовольство подспудно копилось. Ведь он даже не задумывался о том, что она ждёт от него не только встреч, душевных разговоров и близких отношений. Будь ты хоть трижды гением, но своими гениальными творениями сыт не будешь, если они не способствуют решению финансовых проблем.

До полуночи Иван терзал себя сомнениями, но так и не смог перешагнуть через свои убеждения. Он твёрдо решил, что в самое ближайшее время найдёт себе работу, которая будет приносить более-менее приличный заработок. Любую – непрестижную, грязную, физически тяжёлую. Он справится, осилит. А продавать свой талант ворам и бандитам – это выше его сил.

3. Кризис

Вопреки его опасениям, звонков с угрозами не последовало ни ночью, ни утром. Позавтракав, Иван стал просматривать в интернете вакансии рабочих мест. Позвонил по нескольким заинтересовавшим его вариантам. Результаты обнадеживали.

Закончив с делами, он подошёл к окну. С безоблачного неба ярко светило солнце. Термометр показывал плюс девятнадцать. Погода налаживалась, и это благотворно сказывалось на настроении.

Иван взял мобильник, набрал Лену.

– Леночка, у меня приятные новости по поводу работы, – сказал он ей. – Есть очень интересные предложения. Надо только кое-что уточнить и сделать выбор. К вечеру определюсь и обо всём тебе доложу.

– Не надо, Ваня, – сказала она.

– Что не надо? – удивлённо спросил Иван.

– Приезжать ко мне не надо. И звонить – тоже.

– То есть как это?.. Ты серьёзно?

– Вполне.

Таких слов он не ожидал. Ну ладно, вчера сгоряча Лена грубо повела себя с ним. Однако Иван был почти уверен, что сегодня все недоразумения будут устранены. Стараясь не поддаваться эмоциям, сказал:

– Лена, не говори глупости! Да, я тебя понимаю: ты устала от нехватки денег. Но я исправлю ситуацию. У нас всё наладится – вот увидишь.

Она тяжело вздохнула.

– Поздно, Ваня. Я уже дала согласие другому человеку...

– Что?! – опешил Иван. – Какое согласие ты дала? Кому?

– Мужчине, который сделал мне предложение. Ещё полмесяца назад.

До Ивана не сразу дошёл смысл её слов. Он уже начинал понимать, что происходит что-то непоправимое, что привычный мир рушится. Но не хотел, не мог в это поверить.

– Лена, скажи, что это шутка.

– Я хочу жить по-человечески, как все нормальные люди, – говорила она. – Но ты постоянно пребываешь где-то в другом мире. У тебя *там* настоящая жизнь, а не здесь. Ты забыл о том, что я живой человек, а не один из твоих персонажей. Меня такие отношения не могут устраивать – неужели не ясно? Но я всё сомневалась. На что-то надеялась. А вчера вечером поняла, что ничего у нас с тобой не изменится. Поэтому сказала ему, что согласна.

– Значит, он регулярно звонит тебе? И ты от меня это скрывала?

Лена немного помолчала, потом призналась:

– Да, часто звонит. Но вчера я сама позвонила ему. Понимаешь, Ваня, он очень хороший человек. Надёжный и ответственный. Правда, в отличие от тебя, звёзд с неба не хватает,

но зато на земле стоит твёрдо...

Это был удар, от которого потемнело в глазах. Иван отключил связь. Продолжать разговор было не в состоянии. Да и не имело смысла. Окружающий мир – шаткий, зыбкий, неустойчивый, но всё же существующий – вдруг рассыпался как карточный домик. Ивану казалось, что почва ушла из-под ног, и теперь он висит в пустоте, в которой абсолютно не за что зацепиться. Он вдруг опять остался один – никому не нужен и неинтересен.

Но ещё тяжелее было осознавать другое. Ведь до последнего времени Иван безоглядно доверял Лене, советовался с нею по всем вопросам, делился самым сокровенным. Она его внимательно слушала, высказывала своё мнение, выражала сочувствие. И в то же время строила запасной аэродром! Она уже две недели готовилась к тому, чтобы однажды вот так неожиданно нанести ему удар в самое сердце. Думать об этом было невыносимо.

Но не думать не получалось. Чёрные мысли, словно ядовитые пауки, тучей ползли на него, грозя отравить душу своим ядом.

«Надо срочно что-то делать, – размышлял он в отчаянии. – Пойти куда-нибудь. Поговорить с кем-нибудь».

Но встречаться с кем-то из знакомых и изливать душу в таком взбудораженном и неадекватном состоянии вряд ли было бы разумным решением. Иван пришёл к выводу, что следует разобраться с тяжёлой ситуацией традиционным

способом – взять водки и напиться до чёртиков. Иначе он просто не выдержит, сойдёт с ума.

* * *

Кипреев шагал по улице, погружённый в свои мрачные, невесёлые думы. И всё же зарождающееся лето исподволь оказывало благотворное влияние на состояние души. Ласковое солнце грело своими лучами, птицы звонко щебетали со всех сторон. Прежде чем запастись спиртным, Иван решил прогуляться по улицам города. Он бродил, стараясь ни о чём не думать. Насильно заставлял себя отвлекаться от горьких дум и переключать внимание на свежую изумрудную листву на деревьях, птичий щебет, тепло солнечных лучей.

Ноги словно сами привели его к Белому Озеру. Кипреев любил это место. Здесь, у круглого уютно обустроенного водоёма, он нередко обдумывал сюжеты своих будущих книг, находил неожиданные решения непростых сюжетных ситуаций. Забавно, но разные участки парка, обрамляющего озеро, по-разному влияли на вдохновение писателя. Даже любимая скамья у него здесь была. Почему-то именно на ней в голову приходили самые интересные задумки. Сегодня по удачному стечению обстоятельств именно эта скамейка оказалась свободной. Сев на неё с краю, Иван сосредоточил своё внимание на мелкой ряби, которую лёгкий ве-

терок гнал по поверхности воды. В настоящий момент это было для него своеобразным аутотренингом, помогающим восстановить душевное равновесие.

Однако долго наслаждаться одиночеством не получилось.

– Не помешаю? – раздался рядом мужской голос.

Не дожидаясь ответа, молодой мужчина сел рядом на скамью.

– Шикарный денёчек! – бодро произнёс он. – Душа поёт. Жить хочется. Согласен, приятель?

– Слушай, попробуй радоваться жизни без моего участия, – недовольно проворчал Иван. – Я тебе в этом деле плохой помощник.

– Чего так? – мужчина внимательно посмотрел на соседа по скамье. – Проблемы? Неприятности? Поделись.

– Кажется, я к тебе за помощью не обращался.

– А зря. Возможно, я тот самый человек, который тебе сейчас реально может помочь. Подумай.

Теперь Иван внимательно посмотрел на соседа.

– Хочешь помочь? – спросил он. – Хорошо. Составь мне компанию. Я хочу напиться до потери памяти.

– Что, совсем хреново?

– Хуже некуда.

– Понимаю. Только я не сторонник подобных мер. Легче от спиртного не станет. А вот вред будет конкретный. Заливать проблемы алкоголем – удел слабаков.

– Ну, значит, я слабак, – со злостью сказал Иван. – И от-

вали от меня.

– Постой-постой! – примирительно заговорил мужчина. – Не спеши на себя самого ярлыки клеить. Думаешь, я тебя не понимаю? Ещё как понимаю! Сам только-только начинаю выходить из штопора. Жизнь такую трещину дала, что едва в петлю не полез. К счастью, нашлись добрые люди. Помогли выбраться из болота безысходности. Тут, приятель, главное – выдержать первое время. Как-то пережить этот чёрный период. А потом, когда в душе всё успокоится, сам будешь удивляться тому, какая муть лезла тебе в голову.

От слов собеседника в душе Ивана зародилась надежда.

– Как тебе помогли? – спросил он. – Не одними же добрыми словами, сочувствием и психологическими тренингами?

– Верно, приятель! Не только этим. Хотя всё то, что ты сейчас назвал, тоже имело место.

– Так что же ещё было?

– Об этом мы сейчас поговорим. Но сначала предлагаю познакомиться, – мужчина протянул Ивану ладонь. – Данила, – представился он.

– Иван, – сказал Кипреев, пожимая протянутую руку. – Так чем тебе, Данила, смогли помочь?

– Добрые люди, о которых я уже упомянул, раздобыли для меня хорошие антидепрессанты. Вот они вкупе со всем вышеперечисленным тобой дали поразительные результаты. Я их до сих пор принимаю чисто профилактически.

«Чёрт возьми, как всё просто!», – подумал Иван.

– Как они называются? – спросил он.

– Сейчас глянем, – Данила извлёк из кармана обрывок стандарта с двумя таблетками и сокрушённым голосом сказал: – Увы, от названия ничего не осталось. И вспомнить его вряд ли получится – уж больно оно мудрёное. Да и какая разница, в конце концов! В аптеке такое всё равно не купишь. А если купишь, то подделку, – он дружески хлопнул Ивана по колену. – Ладно, Ваня, не переживай. Оставь мне свой телефончик. Попробую раздобыть для тебя упаковку. А пока возьми то, что осталось. Дома примешь перед едой.

– Спасибо! – с чувством сказал Иван. – Сколько я тебе должен?

Данила небрежно махнул рукой.

– Забудь. Пока ты мне ничего не должен.

Кипреев положил таблетки в карман. Затем продиктовал Даниле номер своего телефона. На том и расстались. Данила ушёл. А Иван ещё четверть часа посидел у озера. Ему не терпелось поскорее принять препарат, облегчающий душевные муки. Но он, сам не понимая почему, продолжал тянуть время. Вероятно, подсознательно очень боялся разочарования.

4. Лекарство от тоски

Бутылку лёгкого вина он всё же купил – отпраздновать в одиночестве своё будущее избавление от депрессии. Само ожидание перемен к лучшему уже вселяло надежду, поднимало настроение. Иван пожарил картошку, нарезал хлеб, колбасу и накрыл стол в единственной жилой комнате своей однокомнатной квартиры. Небольшая тесная кухня сегодня его не устраивала.

Прежде чем приступить к трапезе, он проглотил одну из двух таблеток и запил её водой. Подождал несколько минут, прислушиваясь к ощущениям. Кажется, лекарство сразу начинало действовать. Отметив этот факт, Иван принялся за еду.

Действие препарата было стремительным и ошеломляющим. С каждой минутой на душе становилось всё легче. То, что угнетало его, ранило и терзало, вдруг куда-то исчезло, уступив место покою и умиротворению. Он уже искренне удивлялся своим недавним чёрным мыслям и переживаниям. Да и не о чем было переживать. Ведь, если разобраться, ничего страшного не произошло. Ну, бросила его подруга, нашла себе другого – что с того? Пусть живёт и радуется, если у неё на то будут основания. Стоит ли из этого делать трагедию?

Иван вдруг рассмеялся над своей глупостью. Вот же ду-

рачок – нашёл из-за чего с ума сходить. Он что, без Ленки не проживёт? Да Бог с ней! Если захочет, найдёт себе сотню таких Ленок. И даже лучше.

Он поднял голову и с удивлением обнаружил, что окружающее пространство странно изменилась. Комната стала огромной, словно стены кто-то отодвинул метров на десять каждую. Иван поднялся, подошёл к окну и распахнул его. Люди, деревья, машины во дворе были совсем мизерными, как будто он смотрел на них не с четвёртого, а, как минимум, с сорокового этажа. Но самым удивительным было то, что это обстоятельство не вызывало у него ни малейшего удивления. Казалось забавным, смешным – и только.

Иван прошёл к дивану, плюхнулся на него и громко расхохотался, испытывая приступ безудержного веселья.

Комната тем временем начала стремительно уменьшаться и, проскочив свои обыденные размеры, стала совсем маленькой. Это ещё больше рассмешило Ивана. Он вновь подошёл к окну и выглянул наружу. Теперь всё внизу находилось настолько близко, что при желании можно было разглядеть любые подробности. Шляпа проходящего вдоль стены дома мужчины, казалось, плыла под самым подоконником. Ивану захотелось похулиганить. Перевесившись через подоконник, он потянулся рукой к шляпе. И вдруг услышал за спиной:

– Куда ты, дурень? Четвёртый этаж!

Кипреев слез с подоконника и обернулся. На диване сидел бородатый мужчина неопрятного вида и неопределённо-

го возраста.

– Ты кто? – спросил Иван. – Откуда взялся?

– Сам не въезжаешь? – насмешливо спросил мужчина.

– Нет, не въезжаю.

– Ладно, даю подсказку: я тебя только что спас от падения с высоты. Кто я, по-твоему?

Иван немного подумал и высказал предположение:

– Спасатель?

– Дурак ты! – рассердился незнакомец. – Я – твой ангел-хранитель. Неужели трудно догадаться?

– Ангел-хранитель? – Кипреев вновь громко расхохотался. – Мужик, ты в зеркало давно смотрелся?

Ангел наклонился вперёд. Из-за его плеч выглянули два белых крыла и, слегка подрожав, спрятались обратно. Тело стало полупрозрачным. Это озадачило Ивана.

– Слушай, но если ты ангел, то почему выглядишь так... непрезентабельно? – спросил он.

– У меня две ипостаси, – пояснил ангел. – Вот вторая, тёмная, и накладывает свой негативный отпечаток на первую, светлую.

Иван поставил стул напротив собеседника и, расположившись на нём, задал следующий вопрос:

– Значит, у тебя две ипостаси? И что представляет собой вторая?

– Стандартно. То, что и должна представлять. У каждого человека есть ангел-хранитель и бес-искуситель. Вот я и сов-

мещаю две эти должности.

– Как это совмещаешь? Почему?

– Обстоятельства, – ангел вздохнул. – Понимаешь, грешников пруд пруди. А вот с праведниками большой напряг. Поэтому с бесами нет проблем, а по части ангелов имеет место дефицит. На всех не хватает. Чтобы снять проблему, используют тех, кто совмещает в себе качества и праведников, и грешников. Чтобы можно было назначить сразу на две должности – ангелов и бесов. Я как раз из таких универсалов.

– Но как же?.. – растерянно пробормотал Иван. – Это же представители двух противоположных, враждующих сил...

– Мелко мыслишь! – прервал его ангел. – Никто ни с кем не враждует. Просто честно работаем, выполняем свои обязанности. Функции у нас разные – не спорю. Но контора одна.

– Ни фиги себе! – удивлённо воскликнул Иван. – Это что же получается: и светлые, и тёмные подчиняются Высшему?

– Ну да.

– Да, дела... А можно мне взглянуть на этого... второго?

– Можно, но не нужно.

– Почему?

– Тебе не понравится. Чёрт – он и есть чёрт. Чего на него пялиться?

– Но мне очень любопытно посмотреть, – стал настаивать

Иван. – Ни разу в жизни видеть не доводилось. Ну, чего ты? Жалко, что ли?

– Ладно, – ангел опять вздохнул. – Пеняй на себя. Сам напросился.

Тело его стало менять формы, лицо – вытягиваться. И вот перед хозяином квартиры нарисовалось жуткого вида чудовище. Иван вдруг испытал такой ужас, что опрокинулся на пол вместе со стулом. Резко поднялся и отбежал к противоположной стене.

– Всё! Всё! Хватит! – закричал он, яростно маша руками. Ангел принял прежнее обличие. Медленно, с опаской, Иван вернулся на своё место. Сердце всё ещё бешено колотилось.

«Жуткая образина! – подумал он. – Не дай Бог, ночью приснится».

– А кого ты надеялся увидеть? – спросил ангел. – Прекрасную фею? Я же тебя предупреждал, что не нужно этого делать.

Иван насторожился.

– Ты что – мысли мои читаешь?

– Контролирую и корректирую, – ответило бестелесное существо и, кивнув в сторону стола, констатировало: – А ведь у тебя там, Ваня, вино стоит.

– Да, – сказал Иван. – А что – нельзя?

– Тебе нельзя. Несовместимо с препаратом, который ты принял. А вот мне себя, пожалуй, побаловать винишком

можно. Да и закусить не помешает. Соскучился я по этому делу. Прежде-то, при жизни, большим любителем был.

– Как ты собираешься пить и закусывать? – удивился Кипреев. – Ты же насквозь просвечиваешься.

– Ерунда! – отмахнулся ангел. – Временно материализуюсь.

Он вдруг исчез с дивана и в тот же миг появился за столом, постепенно приобретая вид обычного живого человека. Иван подсел к столу сбоку. Ему хотелось получить ответы на многие вопросы, которые возникли к неожиданному гостю.

– Значит, ты меня спасаешь в опасных ситуациях? – задал он первый вопрос.

– Ну да. Без меня тебе давно бы крышка была.

– А потом принимаешь облик беса и начинаешь мне вредить?

– В целом верно, – согласился с ним ангел, выпив стакан вина и закусывая колбасой. – Но в обратной последовательности. Сначала врежу, а потом спасаю.

– Чёрт возьми! – возмутился Иван. – Тебе больше заняться нечем, кроме как портить человеку жизнь?

Ангел сделал ещё один глоток, повернулся к подопечному и стал объяснять:

– Во-первых, не только порчу тебе жизнь, но и выручаю тебя. Во-вторых, разве ты сам не так поступаешь со своими персонажами? Ты этих бедолаг в такие передряги вгоня-

ешь, что мне их жалко становится. А потом даёшь им возможность выбраться из критических ситуаций. Всё логично и закономерно.

Такое объяснение повергло Ивана в шок.

– Ты чего несёшь? Разве можно сравнивать? Я придумываю ситуации для тех, кого на самом деле нет, а ты издеваешься над живым человеком. Я из-за тебя мучаюсь и страдаю.

– Они тоже страдают и мучаются. Из-за тебя, между прочим.

– Да не могут они страдать! – закричал Иван.

– Как это не могут? Вот, к примеру, из твоего романа: «Он сидел у окна, положив голову на подоконник. Его сердце разрывалось от боли», – процитировал ангел. – Каково, а? Или вот ещё...

– Слушай, прекрати! – нетерпеливо прервал его Кипреев. – Эти люди придуманы мной, и на самом деле не существуют. Они – *персонажи*! Как можно сравнивать?..

– Очень просто. Ты тоже персонаж. Твоя жизнь – всего лишь сюжет, который по ходу написания редактируется и корректируется.

Выдав эту информацию, от которой Иван едва не потерял дар речи, ангел вновь принялся за еду.

– Значит, вся моя нескладная жизнь – плод твоих творческих стараний? – спросил Кипреев.

– Нет. Бери выше. Там главные сочинители. Я лишь по-

правки вношу.

– А мой разрыв с Леной – чьих рук дело?

– Моих.

– Зачем?!

– Ты с ней обрёл душевное равновесие и, как следствие, стал хуже писать. А это никуда не годится. Литература – твоё предназначение свыше.

– А с Натальей, бывшей женой, тоже ты меня разлучил?

– Ну да. Она тебя тянула в болото повседневности и мещанства.

– И с Катюхой Семёновой? – продолжал перечислять Иван.

Ангел едва не поперхнулся.

– Ну, ты даёшь! Ещё бы Люську Ковальчук вспомнил! Ты мне за них «спасибо» должен сказать. Комментарии излишни.

– Ладно, не будем о женщинах, – сказал Иван. – Но ведь у меня и с деньгами всё время нелады. Едва только где-то появится возможность заработать, как тут же какая-нибудь гадость всё портит. Тоже твоя работа?

Ангел молча ткнул себя пальцем в грудь. Он не мог вдаваться в объяснения, поскольку рот был занят жареной картошкой. Впрочем, объяснения и не требовались. И так было понятно, что он мог и хотел сказать. Например: что для высоко духовного и плодотворного творчества художник должен быть голодным. Ну и, наверное, несчастным тоже. А сам

сидит, сволочь, и жрёт без остановки за счёт своей жертвы.

Проглотив последнюю порцию, Ангел удовлетворённо икнул и вновь превратился в сытое румяное облако. Иван с ненавистью смотрел на него. Видимо, от сытости ангел потерял способность читать мысли подопечного, поэтому, встретив его взгляд, удивлённо спросил:

– Ты чего?

– Материализуйся ещё раз! – потребовал Иван.

– Зачем?

– Я тебе морду набью.

Повисла пауза.

– Вот ты, значит, как. Я тебе, как интеллигентному человеку, всё честно и без утайки рассказал. Даже то, что не имел права рассказывать. Надеялся, что ты поймёшь, оценишь и выразишь благодарность. Увы, ошибся. За мою искренность ты платишь мне чёрной неблагодарностью, – укоризненно сказал ангел. А чёрт добавил: – Будешь хамить, сам по морде схлопочешь.

И тут Ивана прорвало. Слёзы ручьями потекли по его щекам. Он рыдал, проклиная свою неустроенную жизнь, бесконечное невезение и «долбаного благодетеля». Ангелу стало жаль его, и он принялся за утешения. Он говорил, что всем людям на свете нелегко живётся; что испытания посылаются небом для укрепления духа; что Бог терпел и нам велел; что неприятности будут не всегда, а только при жизни. Ничего не помогало. Исчерпав все аргументы, ангел с досадой изрёк:

— Ну, что мне с тобой делать? Что тебе ни говори, всё без толку. Короче, успокаивай себя сам. А я умываю руки. Голова раскалывается от твоих воплей.

Выпалив эту тираду, он растворился в воздухе.

С его исчезновением Иван почувствовал себя ещё хуже. Квартира вдруг показалась ему безобразной, неудобной, запущенной. Впихнув ступни ног в кроссовки, он выбежал во двор. Вечерело. Иван затравленно огляделся. Погода стояла тёплая. Вокруг было много людей. Они сновали туда-сюда, вели разговоры или просто наслаждались погожим деньком. Но... все эти люди выглядели страшными, неприятными, отталкивающими. Да и сам город нагонял своим видом такую тоску, словно недавно пережил массированную бомбардировку.

Иван вернулся в квартиру и завалился на кровать, даже не сняв обувь. Он пытался проанализировать странные события сегодняшнего дня. Но мысли путались, не давая сосредоточиться. С этими бесплодными попытками он и уснул.

5. На грани

Пробуждение было мучительным. Яркое солнечное утро, струящееся в окно, не вызывало никаких положительных эмоций. Единственное, что Иван сейчас чувствовал – это полное отсутствие сил и желание сдохнуть, не вставая с постели. Вчерашние душевные страдания теперь казались ему сущим пустяком по сравнению с нынешней чёрной депрессией, заполнившей всё его существо. Она разъедала душу, словно червь. От этого в груди стала зарождаться и стремительно расти злоба – на себя, на окружающих людей, на всё человечество. Душевное состояние было настолько тяжёлым, что хотелось встать и выброситься в окно.

Зазвонил мобильник, лежащий рядом на журнальном столике. Превозмогая дурноту, Иван дотянулся до телефона.

– Алло!

– Ваня, друг, как твои дела? Помогло лекарство? – в весёлом голосе Данилы слышались глумливые нотки.

– Ты что мне подсунул, гад? – с трудом выговорил Иван.

– Я не знаю, как оно полностью называется, но в сокращённом варианте всего три буквы в названии. Угадаешь?

– Шёл бы ты сам на три буквы! Отвечай, сволочь!

Несмотря на грубые слова, голос Ивана звучал флегматично. Сил не было даже на то, чтобы выразить свои эмоции.

– Что же ты так, Ванюша? – продолжал Данила ехидным

голосом. – Совсем расклеился? Не переживай. У тебя наверняка осталась ещё одна таблетка. Прими – и сразу полегчает. А потом мы предметно поговорим о свежей упаковке. Я же тебе обещал!

Иван отключил телефон и вновь плюхнулся на кровать. Три буквы. Чёрт возьми, что это за три буквы? Если ему подсунули наркотик... Название какого наркотического средства состоит из трёх букв? И вдруг он словно увидел это название: ЛСД. Сильный галлюциноген с непредсказуемой реакцией и тяжёлыми последствиями. Когда-то Иван читал о нём. Читал и поражался человеческой глупости – как можно повестись на эту гадость? А сейчас вот сам по своей наивности и доверчивости угодил на крючок. Как же ему теперь сорваться с этого крючка?

Он с трудом поднялся с кровати и, пошатываясь, прошёл к столу. Бутылка вина стояла не тронутая. А на углу стола в обрывке упаковки лежала вторая таблетка. Эта дрянь на какое-то время могла облегчить его состояние. А потом? Что ему делать потом? Обращаться к Диме? Нет, нельзя. Нельзя! От волнения Иван тяжело задышал.

«А что, если принять самую чуточку? – подумал он. – Отщипну крошку. Чтобы хоть немного полегчало? Сил нет терпеть».

И вновь душа всколыхнулась: нельзя! Боясь проявить слабость, Кипреев торопливо сгрёб таблетку в ладонь, прошёл в туалет и смыл её в унитаз. Затем вернулся в комнату, рас-

купорил бутылку вина и тут же всю выпил из горлышка. Настроение не улучшилось, но жизненных сил чуточку прибавилось. Захотелось на свежий воздух.

* * *

Иван брёл по улице словно старик. Всё, что окружало его – люди, зелень, дома – стало чужим, незнакомым, словно из другого мира. Как будто сам он не был частью этого мира, а наблюдал за ним со стороны. Куда-то мчались машины, спешили люди, звучали клаксоны, гудели моторы, слышались чьи-то голоса – всё это теперь казалось ему пустым, ненужным, не имеющим смысла. Как и сама жизнь.

«Да, жизнь, – думал он. – Есть ли в ней смысл вообще? И если есть, то какой? Какой смысл в *моей* жизни? Для чего она мне? Книжки писать? Для чего? Для кого? Нужны они хоть кому-то? А лично мне какая польза от них? Всё глупо. Глупо и бессмысленно».

Шагая по краю тротуара, Иван дошёл до столба, на котором был закреплён рекламный щит. Он остановился, опёршись плечом о столб, и стал смотреть на дорогу. Мимо почти непрерывным потоком проносились автомобили.

«А что если шагнуть навстречу одному из них? – продолжал размышлять Иван. – Всего пара шагов – и водитель не успеет среагировать. С легковушкой, пожалуй, связываться не стоит. Кости переломает и оставит жить калекой. А вот

автобус или маршрутка – совсем другое дело. Шарахнет всей плоскостью, и разлетятся мозги по лобовому стеклу».

И вот, словно по заказу, впереди показался «ПАЗик», спешащий по маршруту на приличной скорости. Иван весь собрался: вот он, решающий момент для избавления от всех проблем! Только бы хватило смелости...

Он огляделся вокруг, словно прощаясь с этим миром, и... встретился взглядом с молодой незнакомой женщиной, проходящей мимо. Она улыбнулась ему – мягко и застенчиво. И ещё в её улыбке было что-то такое, от чего у Ивана вдруг дрогнуло сердце, больно кольнуло в груди. Но эта боль оживила, разбудила душу, ещё секунды назад заполненную пустотой, усталостью и безразличием ко всему.

Женщина прошла дальше по тротуару, ещё раз оглянувшись на Ивана всё с той же трогательной улыбкой. Так улыбаться могут лишь очень добрые, чистые, светлые или беззаветно любящие люди. Иван понял, что эта незнакомка – его спасение. Та соломинка, за которую он может ухватиться, чтобы обрести уверенность в себе и выбраться из болота, в котором тонет. Значит, ему нельзя упускать её, не сделав попытки познакомиться или хотя бы просто поговорить с ней. Повинуясь внезапному порыву, Иван бросился за нею вслед. И тут же за его спиной что-то гроыхнуло. Вздрыгнув от неожиданности, он обернулся: огромный рекламный щит рухнул на то место, где Кипреев только что стоял. Впечатлённый этим внезапным происшествием и своим чудесным спа-

сением, Иван взволнованно смотрел на разбитую конструкцию, едва не лишившую его жизни. Он уже не хотел умирать.

Тем временем вокруг собирались любопытные. Иван спохватился и стал искать глазами среди них незнакомку, ставшую по воле судьбы его спасительницей. Но её среди зевак не было. Досадуя, что потерял время, Кипреев побежал в ту сторону, куда она держала путь. Он забежал во дворы, заглядывал в магазины и салоны – незнакомки нигде не было видно. Вскоре поиски пришлось прекратить, так как Иван почувствовал слабость во всём теле. Эмоциональный всплеск, придавший ему сил, постепенно угасал. Но оставалось главное – желание жить.

Иван возвращался домой, тщательно анализируя события последних дней и свою реакцию на них. Он вполне осознавал, что его угнетённым состоянием воспользовался проходимец, чтобы заманить в свои сети очередного потенциального клиента; что его вчерашние «глюки», а также сегодняшняя депрессия и позывы к самоубийству – следствие наркотического отравления ЛСД. Что ещё ему известно об этой отраве? То, что подобный синдром может вернуться позже – например, через неделю и даже через месяц. ЛСД – коварный наркотик. Надо быть ко всему готовым. Надо твёрдо понимать, что вызванное им тяжёлое состояние может продолжаться долго. Его нужно просто пережить, перетерпеть. Без алкоголя и всяких антидепрессантов.

И ещё он думал о незнакомке, ставшей его случайной спа-

сительницей. Кто она? Где она сейчас? Удастся ли вновь встретиться с ней в таком большом городе? Её улыбка продолжала согревать Ивану сердце. Она вытеснила собою всё, что было прежде. Разрыв отношений с Леной, из-за которого Иван впал в депрессию и наварлся на эти чёртовы «антидепрессанты», внезапно утратил своё значение. Не зря же говорят: нет худа без добра. Как сказал привидевшийся вчера ангел-искуситель: «Ты с ней обрёл душевное равновесие и, как следствие, стал хуже писать». Над этим стоит подумать.

* * *

Дома, немного отдохнув, Иван заглянул в компьютер и стал перечитывать последние на данный момент фрагменты своего нового романа. Результаты просмотра повергли его в шок. Приличный объём работы, которым ещё позавчера он был очень доволен, сегодня вызвал в душе отторжение. Талантливый прозаик Иван Алексеевич Кипреев увидел явную фальшь в своих трудах. Ключевые эпизоды романа требовали тщательной переработки.

Иван вздохнул и выключил компьютер. Нет, сейчас он ничего исправлять не будет. Сейчас он болен, обессилен и неадекватен. Сейчас у него немало других проблем. И он очень устал. Так что все дела и проблемы пусть немного подождут. А пока просто ему требуется хороший отдых. Иван подошёл к кровати, чтобы прилечь, и увидел лежащий по-

верх одеяла мобильник. Телефон был выключен. С внезапно охватившим его волнением Кипреев включил аппарат. Дисплей высвечивал с полдюжины пропущенных вызовов. Четыре из них были с работы. Иван схватился за голову: ведь сегодня его смена! Он же, получается, подвёл под неприятности других людей. А главным образом – себя. Надо было как-то спасать ситуацию. Иван спешно выбрал в списке номер начальника команды охранников и сделал вызов. Шеф внимательно выслушал его сбивчивые объяснения о проблемах на личном фронте и пошатнувшемся здоровье, задал несколько вопросов. И в итоге посоветовал Ивану написать заявление «по собственному желанию», получить расчёт и больше никогда не показываться на глаза.

Едва связь прервалась, как вновь позвонил Данила. С трудом сдерживая эмоции, Иван сказал в трубку:

– Я сейчас позвоню в полицию, и ты сядешь за наркоту. Данила засмеялся.

– Звони, Ванёк. Что и на кого ты будешь заявлять – не могу сообразить. А вот сам нарвёшься на неприятности. Конкретно нарвёшься. У тебя возьмут анализы и поставят на учёт как наркомана.

Довод был резонным.

– Ладно, чёрт с тобой! – со злостью сказал Иван. – Значит, просто отвали от меня. На мне ты ни хрена не зарабатываешь. Я сижу на полной мели. И ещё по твоей милости только что потерял работу. Ищи клиентов в другом месте.

– Ошибаешься, друган. Есть у тебя неплохая работёнка. Интересная и денежная.

Кипреев насторожился.

– О чём ты?

– Включи голову. Позавчера один уважаемый человек предложил тебе непыльную работу на хороших условиях. Да ещё дал возможность поторговаться. Ты не оценил доброе отношение. Но всё можно исправить. Только теперь условия слегка изменятся не в твою пользу.

Вот оно что! Вот откуда тянется хвост этой истории! Шустрый Данила появился на пути отнюдь не случайно. Однако серьёзный дяденька этот Сергей Семёнович! Ивана вдруг передёрнуло, словно от озноба. Он остро осознал, насколько опасно попадать в немилость таким людям, как хозяин «Клеопатры». Хотелось как-нибудь помягче выйти из положения.

– Скажи шефу, что я не могу, – произнёс он усталым голосом. – Чувствую себя отвратительно. Боюсь, что ты меня надолго выбил из колеи.

– Это не проблема, – тут же отреагировал Данила. – Сегодня же поставим тебя на ноги. Как говорится, клин клином...

– Этот вариант не годится.

– Есть другой. У меня имеется снадобье, с помощью которого ты легко соскочишь с ЛСД.

– А потом с твоего снадобья смогу соскочить? Какую

дрянь ты мне на этот раз подсунешь? Может, героин?

Повисла небольшая пауза.

– Ваня! – произнёс Данила вкрадчивым полушёпотом, от которого у Ивана по спине побежали мурашки. – Мне плевать, как ты будешь поправлять своё здоровье. Это твоя проблема. Но завтра ты должен быть в рабочем состоянии. Сиди дома и жди. За тобой приедут.

На Ивана опять накатила смертельная усталость.

– Не надо за мной приезжать, – сказал он. – И не звони больше.

– Что?! Опять забрыкался?

В голосе собеседника прозвучала злость. Иван вновь остро ощутил, что за свой отказ может серьёзно поплатиться. Но если прежде он не мог позволить себе переступить через принципы, то теперь всё его существо противилось любым отношениям с подобными людьми. Подлая, мерзкая, бесчеловечная порода вызывала в нём глубокое отвращение. На смену страху пришла ответная злость.

– Не звони больше, – повторил он.

– Ты хорошо подумал?

– Очень хорошо.

– Ну-ну! Смотри, как бы не пожалел об этом.

Иван отключил телефон. Затем заставил себя пойти в ванную и принять душ. После чего забрался в постель и сразу уснул.

Ему снилось, что он торопливо карабкается в гору, спасаясь от погони. А за ним, немного отстав, гналась толпа людей. В общем-то, людьми их назвать можно было лишь условно. Страшные звериные лица внушали ужас. Оглянувшись в очередной раз, Иван увидел, что из бегущей за ним толпы вперёд вырвался монстр, в физиономии которого, однако, явственно проглядывали черты лица владельца ночного клуба «Клеопатра» Сергея Семёновича. Под мышкой босс держал толстую стопку писчей бумаги, а кисть другой руки сжимала кастет.

– Куда ты, Ваня, скачешь, как заяц? – кричал он насмешливо. – От меня не убежишь.

– Отстань от меня! – крикнул Иван в ответ. – Я не хочу иметь с тобой дела.

– А мне плевать, хочешь ты или нет. Ты должен сделать для меня работу. Только теперь на других условиях. Бесплатно будешь пахать.

Иван не успел ответить. Сергей Семёнович вновь смешался с толпой, а вперёд вырвался Данила. Он громко смеялся, размахивая над головой огромной упаковкой таблеток.

– Ваня, ты кое-что забыл. Прими таблетку, и тебе полегчает.

– Сам травись этой дрянью, – отвечал Иван. – Мне она

не нужна.

– Нужна, Ваня. Ещё как нужна! ЛСД – твоя судьба. А от судьбы не уйдёшь.

Вдруг его тело трансформировалось, и Данила превратился в неопрятного ангела, привидевшегося вчера Кипрееву.

– Стой, Ваня! Стой! – кричал ангел. – Ты отклоняешься от сюжетной линии. Это неправильно! Персонажи не должны своевольничать.

– Я не персонаж! – гневно отозвался Иван. – Я человек! Понял?! Я сам строю свою жизнь.

– Ни хрена ты сам не строишь. Вся твоя жизнь придумана и расписана заранее. А тебя на самом деле нет. Ты плод чужого воображения.

Последняя тирада так остро зацепила Ивана, что он застыл на месте, забыв об опасности.

– Это тебя нет на самом деле! – закричал он что есть силы. – Это ты плод моего воображения. Ты – жалкое порождение наркотического бреда.

– Ах, вот ты как! – злобно воскликнул ангел и превратился в жуткого беса.

От страха Иван помчался вверх ещё быстрее.

Наконец беглец достиг вершины горы. Он поднял глаза и увидел поблизости сидящего на камне другого, настоящего ангела – чистого, светлого, прекрасного. В его облике Иван узнал женщину – ту самую, которая своей удивительной улыбкой спасла ему жизнь. И сейчас она также нежно

и ласково смотрела на него. Из последних сил, почти ползком, Иван добрался до неё. Присел рядышком, положив голову на её колени. Женщина-ангел вновь озарила его улыбкой и плотно оградила от преследующей своры своими белоснежными крыльями.

От внезапно нахлынувшего счастья Иван заплакал.

Глава 3. Миссия

1. Первый блин

Люба смотрела в окно своей новой квартиры. С приобретением жилья не возникло никаких проблем. Всё прошло быстро и гладко. В агентстве недвижимости к ней сразу же проявил бурный интерес словоохотливый риэлтор. Он был сама любезность, но клиентке не стоило труда разглядеть его неприглядную сущность. Она вежливо отказалась от навязываемых услуг и сама выбрала себе специалиста, который внушал ей доверие. Это была молодая женщина с хитрой лисьей мордашкой. Но Любе она чем-то понравилась. И действительно, риэлторша провернула сделку быстро и добросовестно. Правда, лисья хитрость сделала своё дело. Девушка быстро учуяла, что клиентка располагает большими средствами. Поддавшись её влиянию, вместо скромной однокомнатной квартиры, как планировалось, Люба приобрела полнометражную трёшку.

И сейчас, стоя у окна, она размышляла над правильностью своего поступка. Часть средств, доверенных ей для благих дел, она потратила на собственные нужды. С одной стороны, это было одним из условий, которые предъявил ей бывший свёкор. Но с другой – всё же можно было приобрести что-

нибудь поскромнее.

После покупки квартиры и мебели на счетах оставалось свыше шестидесяти миллионов. Но Люба вдруг не на шутку встревожилась. В её полном и бесконтрольном распоряжении были огромные средства. А вокруг – столько соблазнов! Сможет ли она устоять перед ними? А вдруг – нет? Опасения были не беспочвенными. И просторная трёхкомнатная квартира служила тому подтверждением. Нужно было срочно что-то делать.

В общем-то, не вдаваясь в подробности, и так было понятно, что нужно делать – оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. Но для выполнения возложенной на неё миссии требовались какие-то конкретные действия. И вот здесь Люба испытывала растерянность. Душу беспокоило огромное количество вопросов, сомнений и опасений.

Поскольку никакого определённого плана у неё не имелось, для начала она решила просто пройтись по улицам города и приглядеться. Иногда случайно увиденные житейские сцены дают неожиданные подсказки. Придя к такому выводу, Люба постаралась справиться с волнением и вышла из дому.

Спустя двадцать минут она проходила мимо большой красивой церкви. У ворот металлической ограды с каменными столбами стояли двое попрошайек – мужчина и женщина. Они крестились, кланялись и произносили благостные речи, прося у прохожих милости. Но их настоящие лица, в кото-

рых не было ничего святого и светлого, заставили женщину содрогнуться от ужаса. Она ускорила шаг.

Позже ей попался на глаза мальчишка лет десяти, похожий на Гавроша. Он стоял у двери пункта быстрого питания, бросая на прохожих острые, внимательные взгляды из-под козырька потрёпанной кепки. Высмотрев подходящий объект, пацан подходил и кланчил деньги. Видимо, он был неплохим психологом, так как обращался за помощью выборочно и почти не получал отказа. Люба подошла к нему, спросила:

– Зачем тебе деньги?

– Есть хочу, тётенька, – жалобным голосом затянул привычную песню мальчишка. – Со вчерашнего дня ничего не ел.

Она кивнула на дверь «Подорожника».

– Пойдём. Покормлю тебя.

Пацан замялся.

– Лучше денег дай. Я сам куплю еду.

– Так ты *голоден* или нет?

– Ну, я же сказал...

– Тогда пошли.

В небольшом помещении кафешки Люба подвела мальчишку к стойке и предложила выбрать то, что ему нравится. Парнишка быстро сообразил, что в данный момент скромничать не следует. Заказав всё, что он выбрал, Люба усадила его за столик и села напротив.

– Если хочешь, я закажу для тебя обед на вынос, – сказала она.

Пацан отрицательно мотнул головой.

– Ты мне денег дай.

– Зачем?! Голодные от еды не отказываются.

Он посмотрел ей в глаза и полущёпотом сообщил:

– Меня сильно побьют, если я мало денег принесу.

– Кто побьёт?

– Пацаны.

Люба внимательно вгляделась в его лицо.

– А ты не врёшь?

– Вот те крест! Почему не веришь?

– Мордашка у тебя больно хитрая.

Мальчишка опустил глаза.

– Не вру, тётянка. Ей-богу, не вру, – он шустро перекрестился.

– И сколько тебе нужно?

– А сколько можешь дать? – оживился пацан.

Люба задумалась. Вполне вероятно, что мальчик говорит правду. Она слышала о жестокости в кругах беспризорников. Но давать ему деньги очень не хотелось. Вряд ли они пойдут на что-то полезное. Скорее – наоборот.

– Где твои родители? – спросила она.

– Нет у меня никого. Сирота я круглая, – опять затянул пацан хнычущим голосом. – Все меня обижают. Некому заступиться.

Люба подумала, что нашла верный способ правильно использовать доверенные ей средства. Детские дома! Они наверняка нуждаются в финансовой помощи. И, конечно же, охотно согласятся с необременительным условием. Она улыбнулась юному собеседнику.

– Слушай, тебе не нужно к тем пацанам возвращаться. Хочешь, я тебя устрою в детский дом?

Мальчишка заметно сник.

– Не-е, туда меня не возьмут.

– Возьмут. Я сделаю так, чтобы взяли.

Он опустил голову, взглянул исподлобья.

– Да не хочу я в детдом. Что я там забыл?

– Почему не хочешь? – удивилась Люба. – Ты там будешь сыт и одет.

– Денег дай! – крикнул он.

Она покачала головой.

– Нет, денег я тебе не дам.

– Да пошла ты!..

Пацан швырнул в неё остаток бутерброда с отбивной говядиной и убежал. Плохо понимая происходящее, Люба растерянно смотрела ему вслед. Потом заметила, что продавщица с любопытством наблюдает за ней. Она поднялась и торопливо вышла из кафе.

Настроение было испорчено. Первая робкая попытка сделать доброе дело для того, кто в нём нуждается, обернулась полным крахом. Бродя по улицам и размышляя, она пришла

к выводу, что в своих действиях следует учитывать психологию чуждого и непонятного ей мира, даже если дело касается детей. И пока этот мир ей непонятен, не следует с ним связываться ни под каким предлогом.

Извилистая улица привела её к парку, посередине которого располагался круглый водоём. Почувствовав усталость, Люба решила немного отдохнуть. Она огляделась вокруг в поисках свободного места. Чуть в стороне она увидела полную женщину с печальным лицом. Женщина расположилась на скамье, а рядом в инвалидной коляске сидела девочка-подросток. Люба подошла к ним.

– Не помешаю?

Женщина оглядела её, грустно улыбнулась.

– Не мешаете. Присаживайтесь.

Люба села на край скамьи. Собравшись с духом, спросила:

– Простите за бестактный вопрос: что с девочкой? ДЦП?

– Нет, – сказала женщина. – Попала в аварию. Родители погибли, а она, сердечная, повредила позвоночник. Сашенька – моя племянница.

– И что же ей... совсем нельзя помочь? Что говорят врачи?

– Помочь-то можно, если денег куры не клюют. А нам бы концы с концами свести. Слышала, что сейчас проводятся какие-то акции в помощь больным детям. Только вот не знаю, куда обратиться за помощью. Может быть, вам что-

то известно?

Люба пожала плечами.

– Об акциях информацией не располагаю. Но я знакома с человеком, который хочет заняться благотворительностью. Он может вам помочь. О какой сумме идёт речь?

В глазах женщины мелькнула робкая надежда.

– Один миллион двести тысяч рублей, – сказала она. – Плюс расходы на дорогу. Везти-то в Германию придётся, – добавила она смущённо.

Люба улыбнулась.

– Не волнуйтесь. Я полагаю, что на полтора миллиона вы вполне можете рассчитывать.

Теперь во взгляде женщины надежда стала смешиваться с недоверием.

– А как мне получить эти деньги? – спросила она.

– Очень просто: сообщите мне номер банковской карты. Сегодня же средства поступят на ваш счёт.

Лицо женщины мгновенно изменилось. Вспышка агрессии сделала его неприятным и даже немного страшным. От неожиданной перемены у Любы по спине пробежал холодок.

– Зачем тебе номер моей карты? – спросила собеседница, перейдя на «ты».

– Чтобы перечислить деньги, – сказала Люба, удивившись вопросу. – Я не смогу этого сделать, не зная номера вашей карты.

Два острых глаза враждебно буравили её, словно пытаются просветить насквозь.

– Ишь ты, ушлая какая! Развела тут сюсю-мусю. Спонсора она нашла – надо же! На полтора миллиончика! А я, дура, уши развесила. И как не стыдно нищих обманывать?

– Да в чём обман-то? – воскликнула Люба с обидой. – Я ведь не прошу у вас карту и пароль к ней не спрашиваю. А без номера ничего сделать нельзя.

– Ладно, хватит мне заливать. Иди отсюда, пока я тебя в полицию не сдала.

Девочка в коляске испуганно следила за перепалкой. Люба тяжело перевела дух.

– Ну, хорошо. Вы не доверяете мне даже номера своей карты, хотя вам это ничем не грозит. Но мы можем поступить по-другому. Давайте прямо сейчас откроем новый счёт. Я сама положу начальную сумму, чтобы вы ничем не рисковали. Сегодня же на вашу новую карту поступят деньги на лечение племянницы.

– Я тебе сказала: вали отсюда! – злобно зашипела женщина.

– Тётя Аня, может, тётенька и вправду хочет помочь? – робко спросила девочка. – Мне кажется, что она хорошая.

– Это они умеют, – с болью и досадой ответила ей тётя. – Артисты ещё те! Глянешь на них, послушаешь их речи – ангелы во плоти. А в душах нет ни ангельского, ни человеческого.

Люба часто заморгала, пытаясь сдержать выступившие на глаза слёзы. Медленно встала и побрела прочь от скамьи. Сердце сжималось от обиды. Вторая попытка сделать доброе дело обернулась полным крахом и незаслуженными оскорблениями. Что это: две досадные случайности или закономерность? Не зря же говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Если так, то зачем ей всё это нужно? Зачем она вообще ввязалась в это дело? Люди злы и неблагодарны.

Ей вдруг захотелось вернуться и убедить женщину в чистоте своих намерений. Она остановилась и обернулась. Тётя и племянница смотрели ей вслед. Лицо женщины было напряжённым, но уже не злым и не страшным. Люба вдруг почувствовала, как ей тяжело. Она уже не сердилась на незнакомку. В мире, где царят подлость и бесчеловечность, люди не могут доверять друг другу, а в предложениях бескорыстной помощи видят обман и коварство.

Люба постояла с полминуты, но так и не решилась вернуться. С тяжёлым сердцем бродила она по городу, одолеваемая переживаниями о том, что с выполнением порученной ей миссии у неё может ничего не получиться. Что-то она делала не так.

Чтобы немного успокоиться, Люба пару часов походила по улицам. На одной из них её внимание привлёк мужчина, одиноко стоявший на тротуаре у края дороги. По непонятной причине женщину охватило волнение, словно она уловила тревожные импульсы, исходящие от этого человека. Вот

мужчина обернулся и встретился с ней взглядом. У него было хорошее, доброе, человеческое лицо. Но сейчас в нём виделись опустошённость и отчаяние. Вне всякого сомнения, человеку было плохо. Но... чем она могла ему помочь? Страх потерпеть очередную неудачу остановил Любу, не позволил подойти к незнакомцу и спросить, не нуждается ли он в помощи. Она смущённо улыбнулась и пошла дальше. Но волнение не оставляло её. Женщина обернулась: незнакомец смотрел ей вслед. Она опять улыбнулась ему, но так и не решилась подойти. Сегодняшний день был явно неблагоприятным для добрых дел. Досадуя на себя и свою нерешительность, она торопливо зашагала дальше. Потом подошла к дороге, остановила такси и поехала домой.

Дома, в своей большой одинокой квартире, она долго сидела на кровати, поджав к подбородку колени, и пыталась разобраться в причине своих неудач. После долгих раздумий пришла к выводу, что неудачи были отнюдь не случайны. Они предупреждали её о том, что надо быть осторожней. Когда человек так легко разбрасывается деньгами, слишком большими в понимании рядового гражданина, это не может не вызвать подозрения. Значит, пренебрегая элементарной осторожностью, можно легко попасть под прицел и правоохранительных органов, и криминала.

Как ни странно, придя к такому выводу, Люба успокоилась. Она решила, что не следует торопить события. Время

само расставит всё по своим местам. Чтобы отвлечься, Люба взяла в руки книгу, и... внезапная идея осенила её.

2. Меценат

В интернете она нашла контактные данные издательства «Ветер». Утром по телефону обратилась с вопросом: может ли издательство сообщить ей телефонный номер писателя, публикующегося под псевдонимом Иван Чай. Свой интерес мотивировала тем, что является доверенным лицом состоятельного человека, желающего спонсировать издание ряда книг вышеупомянутого автора. Ей назначили встречу.

В оговоренное время Люба переступила порог кабинета главного редактора Гурова Николая Романовича – так было написано на табличке возле двери. Упитанный, но на удивление подвижный главред, показавшийся Любе похожим на шустрого и безобидного бурундука, резво выбрался из-за рабочего стола и проводил гостью до кресла. И вновь занял своё место.

– Слушаю вас, уважаемая...

– Анжела Борисовна, – подсказала Люба.

– Очень приятно! Меня зовут Николай Романович. Впрочем, вы, вероятно, уже обратили внимание на табличку. Так вот, уважаемая Анжела Борисовна, по телефону вы сказали, что ваш доверитель готов заказать издание ряда книг одного из наших местных писателей. Мне *верно* передали информацию?

– Абсолютно верно. Однако мы не можем сделать заказ,

не согласовав свои планы с автором. Поэтому и обратились к вам с просьбой помочь нам выйти на контакт с ним.

– Тогда позвольте уточнить, что вы имеете в виду под выражением «ряда книг»? – спросил Николай Романович, с интересом разглядывая посетительницу. – О каких произведениях идёт речь?

– Мы готовы оплатить издание всех произведений писателя Иван Чай, – сказала Люба. – Все его произведения, которые на сегодняшний день являются законченными.

Гуров откинулся на спинку кресла.

– А тиражи? – спросил он взволнованно.

– Для начала планирую заказать по тысяче экземпляров каждой книги в твёрдой обложке, – женщина улыбнулась. – Обещаю, что исполнением заказа на издание книг будет заниматься исключительно ваше издательство. Конечно, если вы не против.

Николай Романович тоже улыбнулся.

– Мы не против. Мы только «за». Лишь бы вы не передумали. Гарантий, как я понимаю, вы дать не можете? – спросил он осторожно, словно боясь спугнуть удачу.

Люба пожала плечами.

– А какие гарантии вам нужны? Просто поверьте моему слову. Вы же ничем не рискуете. Мне от вас нужен лишь номер телефона писателя.

– Ну что ж, вашего слова мне вполне достаточно, – как бы охотно согласился главный редактор.

Из ящика стола он вынул папку, перебрал содержимое и нашёл то, что было нужно. Выписал информацию на листок и протянул посетительнице. Люба взяла лист.

«Кипреев Иван Алексеевич», – прочла она.

Далее следовали адрес и телефонный номер. Женщина поднялась.

– Спасибо, Николай Романович! До свидания!

– Всего доброго! – Гуров тоже поднялся. – Не забудьте о своём обещании.

– Не забуду.

Люба вышла из редакции в приподнятом настроении. Ситуация менялась в лучшую сторону. Боясь потерять этот настрой, она сразу набрала записанный на бумажке номер.

– Алло! – прозвучал в трубке усталый мужской голос.

– Иван Алексеевич?

– Да, я слушаю.

Люба слегка замешкалась, не зная, как начать разговор. Вчерашние неудачи вновь отозвались в ней неуверенностью в успехе.

– Иван Алексеевич, меня зовут Анжела. Я являюсь доверенным лицом человека, который готов спонсировать издание ваших книг. Вы можете встретиться со мной и обсудить этот вопрос?

Повисла пауза. Люба почувствовала, что человек на другом конце связи напрягся, пытаясь уловить скрытый подвох. У женщины упало настроение. Куда катиться мир, если лю-

ди совершенно перестали верить в бескорыстное стремление помочь?

– Что вам от меня нужно? – спросил невидимый собеседник не слишком дружелюбно.

– Только ваше согласие, – сказала Люба. – Все детали мы можем обсудить при встрече.

– Простите, но у меня не слишком весёлый период в жизни. Поэтому ваши шутки не кажутся мне смешными. Так и передайте Сергею Семёновичу.

– Сергею Семёновичу? – растерянно спросила Люба. – Но я не знаю такого человека. Кто он?

В трубке послышался смешок.

– Вы очень хорошо исполняете свою роль. Удивление в голосе звучит достаточно искренне. Где вы взяли номер моего телефона?

– Мне его дал Николай Романович – главный редактор издательства «Ветер». Мы с ним только что обсудили вопрос об издании ваших книг.

Опять наступила заминка. Затем с явным замешательством собеседник произнёс:

– Странно всё это. Какие книги вы готовы издать?

– Мы планируем издать все ваши книги, – сказала она. – Сначала выпустим пробные тиражи, а в дальнейшем определимся в зависимости от результатов.

– Где вы сейчас находитесь?

– Недалеко от издательства.

– Это хорошо. Я живу поблизости. Сад Белое Озеро знаете?

– Я не уверена... Тут неподалёку есть сад с круглым водоёмом посередине...

– Да, это он. Подождите меня там. Я скоро буду. Как мне вас узнать?

– На мне розовое платье. Буду ждать вас за столиком летнего кафе.

Закончив разговор, Люба взволнованно направилась к Белому Озеру. Несомненно, сад, раскинутый вокруг водоёма, был удобным местом для встречи. Но... Люба боялась встретить там женщину, которая вчера заподозрила в ней мошенницу. Агрессивное вмешательство со стороны могло всё испортить.

Она прошла вдоль озера, настороженно озираясь. Женщины с больной девочкой не было видно. Люба зашла в кафе, заказала чашку кофе и заняла место за свободным столиком.

* * *

За её спиной раздался мужской голос:

– Анжела?

Люба обернулась... и оцепенела, увидев мужчину, которому вчера она так и не решилась предложить свою помощь. Если бы она только знала... Пожалуй, он был ошеломлён ни-

чуть не меньше, нежели она.

– Вы? – произнёс удивлённо. – Не ожидал.

– И я не ожидала, – сказала Люба, смущённо улыбаясь. – Простите, что вчера прошла мимо. Мне показалось, что вы нуждались в помощи, но я... Вы садитесь, пожалуйста!

– Вы мне вчера не просто помогли, – горячо сказал Иван, усаживаясь напротив. – Вы мне жизнь спасли.

– Жизнь? Вы шутите?

– Ничуть. Ваша улыбка очаровала меня. Я поспешил вслед за вами. И почти в это же время рухнул рекламный щит, под которым я стоял. А ночью вы мне приснились в облике ангела-хранителя. Так что ваше ангельское имя не случайно. Как, видимо, и наша встреча.

Люба хотела ответить в таком же полушутливом тоне, но внезапное беспокойство заставило её обернуться. К кафе приближалась вчерашняя незнакомка. С взволнованным видом женщина оглядывала посетителей. Увидев Любу, на мгновение замерла на месте, затем торопливо направилась к столику. Её лицо выглядело скорбным, но в нём не было ничего пугающего или отталкивающего. Люба успокоилась. Внезапно охватившее её волнение также внезапно растворилось.

Подойдя близко, незнакомка робко остановилась и чуть слышно спросила:

– Вы меня узнаете?

– Да, конечно.

Женщина прижала руки к груди.

– Простите меня, ради Бога! Я вчера обидела вас. Но, сами понимаете, вокруг столько жулья развелось. Вот я, дура, и вам не поверила. Наговорила сгоряча. Вы теперь, наверное, не захотите иметь со мной дела. Только... – она тяжело вздохнула, по щекам потекли слёзы. – Я ведь не за себя прошу. За племянницу. Она мне как дочь. Самый родной на Земле человек. Никогошеньки у меня больше нет. Мы с ней всю ночь не спали. Сашенька всё плакала. А сегодня отказалась от прогулки, – женщина опустилась на колени. – Ради Христа, помогите нам!

– Ну что вы! Встаньте! – воскликнула Люба, вскочив со стула. – Я помогу вам. Обещаю! Только встаньте с колен. Женщина поднялась.

– Вы поможете? Правда, поможете? – спросила с надеждой и тут же протянула Любе клочок бумаги. – Вот номер моей карты, как вы просили.

Люба взяла листок.

– Как вас зовут? Кажется, Анна?

– Да.

– А по отчеству? – спросила Люба и пояснила – Мне это нужно знать, чтобы убедиться, что в номере нет ошибки, и деньги уйдут по назначению.

– Николаевна, – торопливо сказала женщина.

Люба ободряюще улыбнулась ей.

– Идите домой, Анна Николаевна, и успокойте Сашеньку.

Я сегодня же перечислю обещанную сумму. Всё у вас будет хорошо.

Женщина закивала головой.

– Да-да, конечно! – она молитвенно сложила руки. – Как мне вас отблагодарить?

Люба махнула рукой.

– В этом нет необходимости. Хотя... Вы в церковь ходите?

– Да, регулярно.

– Поставьте свечку за упокой души Павла Сергеевича. Этого будет достаточно.

Горячо заверив, что непременно так и сделает, Анна Николаевна ушла. Люба вернулась на своё место и смущённо взглянула на Ивана.

– У вас ко мне, наверное, много вопросов?

– Пожалуй, да, – сказал он, с любопытством разглядывая собеседницу.

– Спрашивайте.

– Первый вопрос: кто такой Павел Сергеевич?

– Это мой доверитель, – сказала Люба.

Иван усмехнулся.

– Это я понял. Меня интересует, кто он и почему доверил вам свои деньги?

Женщина слегка замешкалась.

– Позвольте мне не вдаваться в подробности.

– Но из ваших слов следует, что он умер.

– Да.

– И готов спонсировать издание моих книг?

Люба вновь смутилась.

– Я понимаю вашу иронию. Да, Павел Сергеевич умер. Незадолго до смерти он уполномочил меня часть его средств использовать на благотворительность. По моему усмотрению. Кстати, Павлу Сергеевичу очень понравился ваш роман «Небо, отражённое в луже». Я читала ему в больнице, – она робко взглянула в глаза собеседнику. – У вас на мой счёт появились сомнения?

Иван задумался, продолжая внимательно разглядывать сидящую напротив него женщину. Затем спросил:

– Вы ведь нездешняя? Судя по произношению, из центральной России.

– Да.

– Из какого города?

– Позвольте опустить и эту подробность, – Люба глубоко вздохнула. – Иван Алексеевич, верить мне или нет – ваше право. Но я не требую от вас ничего. Всего лишь предлагаю финансовую помощь в издании ваших книг. Поверьте, я действительно выполняю волю умершего человека, пожелавшего хотя бы частично искупить свою вину перед окружающими. Мы можем прямо сейчас пойти в издательство, и ваши сомнения будут развеяны.

– Не обижайтесь, Анжела, – сказал Иван. – Я вас ни в чём не подозреваю. Вы мне симпатичны. И вообще производите очень приятное впечатление. Просто недавние события за-

ставляют меня быть осторожным. Позавчера один незнако-
мый человек принял участие в моей судьбе. Оказал такую
помощь, что я едва выжил. Теперь в зеркале с трудом себя
узнаю. Вам, наверное, не очень приятен мой внешний вид?

Выглядел он действительно удручающе. Следы неизвест-
ных Любе событий оставили после себя ощутимый след.
Но это не меняло сути.

– У вас хорошее лицо, – сказала она. – Очень хорошее.
С недавних пор я стала разбираться в лицах людей.

– Ну что ж, спасибо! Только вот не знаю, как мне отбла-
годарить вас. В церковь я не хожу.

– Благодарить меня рано. Мы ещё ничего не сделали. По-
этому предлагаю прямо сейчас пойти в издательство и при-
ступить к нашим делам.

– Да, конечно!

Иван поднялся и протянул женщине руку.

3. Тревоги и радости

Они постучали в дверь. Услышав традиционное «войдите», зашли в кабинет главного редактора. Увидев посетителей, Николай Романович вновь шустро выскочил из-за стола и протянул руку Кипрееву.

– Иван Алексеевич, рад вас видеть! Очень рад! Мы сегодня уже общались с вашей очаровательной спутницей, которая обрадовала нас – и вас, надеюсь, тоже – приятной вестью. То, что случилось, вполне закономерно: ваш незаурядный талант замечен серьёзными людьми. Выражаю надежду на то, что это первые шаги на долгом и широком пути нашего плодотворного сотрудничества.

Эта бурная тирада вызвала на лице Ивана едва заметную улыбку. Он пожал протянутую руку.

– Вы правы, Николай Романович: для меня эта весть также приятна.

– Вот и ладненько, – деловито произнёс Гуров. – Значит, можем прямо сейчас оформить договор. Как только получим все материалы и предоплату, сразу же приступим к работе над вашим заказом.

Гуров быстро составил договор и отпечатал его на принтере. Кипреев расписался в указанных местах. Было заметно, что перспектива издания книг подействовала на него благотворно. Однако, наблюдая за ним, Люба чувствовала, что его

внутреннее состояние всё ещё остаётся тяжёлым.

Едва они вышли во двор, она спросила:

– Иван Алексеевич, совсем недавно вы сказали о том, что некий незнакомец едва не погубил вас. Что с вами произошло?

– Было отравление. Вместо лекарства мне подсунули наркотик.

– Кто и зачем это сделал?

– Я отказался выполнить просьбу одного серьёзного и опасного человека, – Иван замолчал, задумавшись, затем встрепенулся. – Анжела, нам необходимо вернуться в редакцию. Надо внести дополнение в договор. Я упустил из виду кое-что важное.

Люба заволновалась, почувствовав что-то недоброе. Но все вопросы решила отложить на потом. Они вновь навестили Гурова. Иван продиктовал главному редактору необходимое дополнение к договору: в случае его гибели или иных непредвиденных тяжёлых обстоятельств все права на изданные тиражи книг должны будут принадлежать Анжеле.

Если Николай Романович и удивился, то внешне это было не заметно. Да и какое ему, собственно, дело до странностей заказчика? Важны были сам факт заказа и его объём. Соответственно, и сумма оплаты. Внося дополнения в электронную форму договора, он вопросительно взглянул на Любу.

– Простите, уважаемая Анжела Борисовна, я не знаю вашей фамилии.

В отличие от главного редактора, Люба пребывала в полной растерянности. От волнения, забыв на время свою нынешнюю фамилию, она едва не сказала: «Порываева». Но вовремя спохватилась.

– Солнцева, – произнесла она после продолжительной заминки и, смутившись, поспешила объясниться: – Прошу прощения, но данное решение Ивана Алексеевича явилось для меня полной неожиданностью. Я даже не предполагала...

Её сконфуженный вид вызвал на лице редактора добродушную улыбку.

– Видимо, на то есть веские основания, – сказал он. – *Мы* же обязаны считаться с волей автора. Как говорится, хозяин – барин.

Отпечатанные экземпляры обновлённого договора Гуров предоставил Ивану для подписи.

Когда вновь покинули редакцию, Иван сказал, иронично взглянув на спутницу:

– Я вижу у вас на лице длинный список вопросов. Можете задавать.

Люба ответила ему таким же взглядом.

– Зачем же их задавать, если они написаны на лице? Читайте и отвечайте согласно списку. Хотя, признаюсь, я

не разделяю вашего весёлого настроения.

Иван согласно кивнул.

– Вы правы. Какое уж там веселье...

– Не хотите поделиться?

– Зачем?

– Возможно, я смогу вам чем-то помочь. Всё же я ваш ангел-хранитель.

– Ангел-хранитель, – повторил Иван. – Да, вы действительно вошли в мою жизнь как ангел. Только при сложившихся обстоятельствах вам лучше держаться от меня подальше. Вы очень рискуете, находясь рядом со мной.

Люба с тревогой взглянула на него.

– Всё настолько серьёзно?

– Да. И, боюсь, вы ничем не можете мне помочь.

– Почему вы уверены в этом? Возможно, всё совсем не так, как вам кажется. Давайте хотя бы попробуем разобраться в проблеме.

– Я ни в чём не уверен, поскольку абсолютно ничего о вас не знаю. От меня ждёте откровенности, но о себе предпочитаете не рассказывать.

– Да, понимаю: это выглядит довольно странно. Но прошу вас поверить, что ничего дурного я не совершила и не задумала. Просто у меня сложилась довольно необычная ситуация. И я пока не готова рассказать о ней, – она виновато взглянула ему в глаза. – Но я хочу знать, почему мне опасно находиться рядом с вами? Вам угрожает человек, которому

вы отказали в выполнении заказа?

– Да, – сказал Иван. – От него исходит вполне реальная угроза.

– Его зовут Сергей Семёнович? – спросила Люба, вспомнив недавний телефонный разговор. – Что ему от вас потребовалось?

– Он написал большое сочинение, представляющее собой воспоминания о его уголовном прошлом. Предложил мне отредактировать этот, так сказать, литературный труд. Я отказался. А он отказов не принимает и, как выяснилось, не прощает, – Иван глубоко вздохнул. – Ну, хорошо, слушайте мою печальную повесть.

Беседуя, они неторопливо шли вниз по искривлённой улице, по которой Люба вчера совершила свой первый благотворительный выход. Иван подробно рассказал ей о событиях последних дней. Выслушав внимательно, женщина резюмировала:

– Положение ваше и в самом деле незавидное. Слишком много неприятностей за столь короткое время. Но самая серьёзная из них – конечно же, угроза расправы. Вы должны каким-то образом обезопаситься. Я думаю, что вам необходимо на некоторое время спрятаться от внешнего мира. Посидите дома, никуда не выходя. Не отвечайте на звонки с незнакомых номеров. Возможно, вскоре про вас забудут и отстанут.

Он грустно улыбнулся.

– Наверное, так и будет. Меня перестанут преследовать, поскольку я сам помру с голоду. Мне, Анжела, в первую очередь надо на работу устроиться.

Люба задумалась, пытаясь найти правильное решение. Она могла бы предложить собеседнику необходимую сумму денег, но не знала, как это сделать, чтобы не обидеть его. Вдруг ей в голову пришла интересная идея.

– Иван Алексеевич, вы в настоящее время что-то пишете? – спросила она.

– Да, – ответил он. – До недавних событий я работал над новым романом. Да вот пришлось прерваться. Причину вы теперь знаете. Немного приду в себя и вновь возьмусь за дело.

– Значит, у вас есть работа. Зачем же искать другую?

– Увы, она питает лишь душу, но не тело.

– А мы сделаем так, чтобы она питала и то, и другое.

Несколько секунд Кипреев растерянно смотрел на попутчицу. Наконец до него дошёл смысл её слов.

– Вы предлагаете оплачивать мою литературную деятельность? Я вас правильно понял?

– Правильно.

Иван опять задумался, затем решительно тряхнул головой.

– Нет, я не могу согласиться. Вы и без того для меня много сделали. Поймите меня правильно...

– Я вас понимаю. И ваш ответ меня ничуть не удивил, –

Люба старалась говорить как можно мягче. – Но и вы постарайтесь меня выслушать и понять. Я вовсе не предлагаю вам жить за мой счёт. Вы будете получать деньги за работу, которую выполняете талантливо, грамотно и крайне добросовестно. Это во-первых. Во-вторых, доверенные мне деньги моими не являются. Они принадлежали человеку, который в своё время отнял их у окружающих, а перед смертью раскаялся и попросил меня раздать его долги.

Иван ещё немного подумал. Затем спросил:

– Скажите, Анжела, что за беда приключилась у той женщины, которой вы сегодня обещали свою помощь?

– Анна Николаевна воспитывает осиротевшую племянницу. Девочка прикована к инвалидной коляске после аварии, в которой она потеряла родителей. Деньги нужны на операцию за границей.

– Вот видите! У людей бедственное положение. И таких вокруг очень много. Есть малообеспеченные семьи. Некоторые из них – многодетные. Есть одинокие старики и беспризорные дети. Детские дома. Вот кому реально нужна финансовая помощь. Я же пока ещё не стар и не слаб. И на шее у меня никто не сидит. Почему именно я оказался в центре вашего внимания?

Люба остановилась, повернулась к нему.

– Всему своё время, Иван Алексеевич. Я стану помогать тем, кто нуждается в моей помощи. Но сейчас предлагаю решить ваш вопрос. Я хочу, чтобы вы занимались своим люби-

мым делом и получали за него достойную плату. От вас мне также потребуется номер банковской карты. Сегодня вы получите первую писательскую зарплату. Закупите необходимые продукты и запритесь в своей квартире. Вынужденное затворничество пойдёт на пользу вашей литературной работе.

Она открыто смотрела в глаза собеседника, в которых смешались волнение, надежда и недоверие.

– Скажите честно, зачем вам это надо? – спросил он.

– Это надо не только мне, – сказала Люба. – Ваше творчество нужно людям. Очень нужно! Оно заставляет каждого читателя задуматься над своей жизнью – взглядами, стремлениями, поступками. Я хочу, чтобы ваши книги могло прочесть как можно большее число людей. Тогда у многих откроются глаза, и человеческих лиц вокруг станет больше.

– Человеческих лиц, – задумчиво повторил Иван. – Да, совершенно верно: надо, чтобы человеческих лиц вокруг стало больше. Вы очень правильно сказали, Ангела. Замечательная метафора!

– Для меня это не метафора, – с грустью произнесла женщина. – Однако, Иван Алексеевич, пора прощаться. Не забудьте сообщить мне номер вашей карты.

– Я провожу вас до дома, – предложил он.

Люба засмеялась.

– Не нужно. Вы теперь опасный попутчик.

Он улыбнулся этой не слишком весёлой шутке.

- Да, верно. Всего доброго, Анжела!
- До свидания, Иван Алексеевич!

* * *

Причин, по которым Люба не позволила новому знакомому проводить её до дома, в действительности было две. Во-первых, она инстинктивно стремилась выдерживать в отношениях некоторую дистанцию, так как ещё не вжилась в достаточной степени в свою новую роль и, соответственно, боялась прямых вопросов и откровенных разговоров. А раскрываться перед едва знакомым человеком Люба считала преждевременным. Это было бы крайне глупо и неосторожно. Во-вторых, она всерьёз обеспокоилась судьбой человека, чьи книги так глубоко тронули её душу. Женщина всей кожей ощущала грозящую ему опасность. Надо было срочно принять какие-то меры по его защите. Но это следовало сделать так, чтобы не привлечь излишнее внимание к собственной персоне. И Люба решила, что самое верное решение на данный момент – предоставить Кипрееву возможность отсидеться в добровольном заточении.

Дома, порывшись в сумочке, она нашла клочок бумаги, полученный от главного редактора издательства «Ветер» при первой встрече. Набрала указанный на листочке телефонный номер Кипреева.

– Иван Алексеевич, это Анжела.

– Рад слышать вас!

– Мне подумалось, что вам действительно грозит серьёзная опасность. Значит, надо как можно скорее спрятать вас.

– Возможно, я зря нагнал на вас страху, – сказал он не слишком уверенным голосом.

– Нет, не зря, – твёрдо возразила Люба. – Поэтому не будем попусту терять время. Вам необходимо прямо сейчас, по пути домой, запастись продуктами и в ближайшую неделю – а может быть, и больше – не выходить из дома. Ваша банковская карта при вас?

– Да.

– Пожалуйста, продиктуйте её номер. Я немедленно перечислю деньги.

Повисла пауза. Видимо, собеседника вновь одолели сомнения. Затем в трубке прозвучало:

– Хорошо. Подождите минутку... Записывайте.

Записав продиктованный номер, Люба села за компьютер. Первым делом она перечислила деньги Ивану Кипрееву и следом – Анне Николаевне. Затем настал черёд издательства «Ветер», на лицевой счёт которого была отправлена оговоренная сумма предоплаты.

Покончив с делами, женщина вновь погрузилась в размышления, пытаясь разобраться в своих чувствах – сложных и противоречивых.

Глава 4. Передряги

1. Замена

Иван стоял и смотрел вслед уходящей женщине. Пройдя десяток шагов, Анжела обернулась, помахала ему рукой и заспешила дальше. А он медленно пошёл обратно, размышляя над событиями сегодняшнего дня. Всё произошедшее казалось необычным, нереальным, словно сказочный сон. Жизнь, ещё вчера представлявшаяся мрачной, серой, беспроектной, вдруг повернулась к нему своей светлой стороной, играющей богатством красок. Женщина-ангел из сна минувшей ночи, укрывшая его своими крыльями от своры нелюдей, вдруг явилась наяву. Явилась, чтобы помочь ему, поддержать его, оградить от опасности.

Немного напрягал тот факт, что Анжела ничего не рассказывает о себе. Но разве ангелы обязаны отчитываться в своём прошлом и настоящем? Однако для опасений имелись и более серьёзные основания. Скользкий и опасный тип, назвавшийся Данилой, тоже появился на пути в облике спасителя. А что, если и за спиной Анжелы всё же стоит неумолимая и зловещая фигура владельца ночного клуба?

Думать об этом не хотелось. А тем более – верить. Анжела представлялась Ивану олицетворением света, непорочности

и чистоты. И если на самом деле это было не так, то ему, писателю Ивану Кипрееву, впору было бросать свою писанину, поскольку это бы означало, что он никудышный психолог и ничего не смыслит в людях.

Телефонный звонок отвлёк его от размышлений. Анжела запрашивала номер его банковской карты. На мгновение Иван вновь усомнился в отсутствии подвоха. Он не знал, возможно ли обобрать владельца карты, зная лишь её номер. Да и не в этом было дело. С одной стороны, на счету оставалась совсем не та сумма денег, из-за которой следовало всерьёз волноваться. С другой – его пугала не возможность финансовых потерь. Больше всего он боялся разочароваться в человеке – женщине, поразившей его сердце с первого взгляда. Иван извлёк из портмоне карту и продиктовал номер. Затем вернулся к Белому Озеру и занял свою любимую скамью.

Не прошло и десяти минут, как телефон SMS-кой известил его о том, что на его счёт зачислено пятьдесят тысяч рублей. На такую сумму Кипреев вполне мог спокойно жить три месяца. Интересно, как бы повела себя Лена, если бы этот заработок появился у Ивана чуть раньше? Но, если быть честным, данный вопрос его совсем не волновал. Лена ушла в прошлое. Её место заняла Анжела, чья мягкая и застенчивая улыбка затмила собой всё, даже ослепительную улыбку красавицы Светы из ночного клуба «Клеопатра». Копаясь в глубинах собственной души, Иван признался себе, что никогда прежде не испытывал к женщинам подобных чувств.

Всё прежнее казалось бледной тенью того, что он чувствовал сейчас. Но, видимо, так уж устроен мир, что во всём чистом и светлом непременно присутствуют тени и полутени. Вот и в данном случае без них не обошлось. С глубокой досадой Иван думал о том, что нежные чувства к женщине ему придётся совмещать с финансовой зависимостью от неё.

Проходивший мимо мужчина вдруг остановился и удивлённо воскликнул:

– Кипреев! Это ты, что ли?

Иван поднял глаза. Местный прозаик Егор Корнейчук, ровесник Кипреева, смотрел на него со своей обычной ухмылкой.

– Что, уже не узнаёшь? – ворчливо отозвался Иван. – Давно не виделись?

Егор вальяжно расселся на скамье рядом с ним.

– Да тебя, приятель, сразу и не узнаешь. Видок ещё тот! Ты, случайно, не запил «горькую»?

– Нет, не запил. Водка не входит в круг моих интересов. Я всё больше по части наркотиков...

Егор громко рассмеялся.

– Вот теперь я тебя точно узнаю – по твоему мрачному и нездоровому юмору. Ты, Ваня, возжи-то не отпускай. Береги себя. Я бы не хотел потерять конкурента. Стимула не будет стараться.

Иван взглянул в его самодовольное лицо и небрежно хмыкнул.

– Да какой ты мне конкурент, Корней Чуковский? Ты же словоблуд. Пишешь гладко, не спорю. Только после прочтения твоих опусов в голове ничего не остаётся.

– Так в этом и заключается талант, – парировал его выпад Егор. – В голове у читателя всегда должно быть свободное место для впитывания очередного чтива. Эх, ты, Ванька Чайник! Не понимаешь элементарных вещей. Вот поэтому дела у тебя не ахти.

– А у тебя – ахти?

– Ну, как тебе сказать... Кручусь помаленьку. Недавно наши провели собрание по поводу принятия меня в Союз писателей. Отправили бумаги в Москву. Теперь вот жду результата. Почти уверен, что примут. Дело времени. А вот тебя, небось, и близко не подпустят. Ты же чужак, Ванька. Одиночка. Поэтому от тебя все наши и отвернулись.

– Переживу.

– Ну да, судя по твоему виду... Ладно, чего там, – Корнейчук поднялся. – Побегу я, Ваня. Дела не ждут. На днях закончил очередной роман. Двадцатый – прикинь! Теперь надо найти денег на издание.

В голове у Ивана мелькнула смутная идея. Ещё не уяснив её суть, он задержал собеседника, схватив за рукав.

– Постой, Егор.

– Чего ты? – удивлённо спросил тот.

Едва возникшая мысль уже начала принимать конкретные очертания.

– Кажется, я знаю, как решить вопрос с изданием твоей книги.

– Любопытно, – Корнейчук пристально смотрел на него. – Только давай без глупых шуток.

Иван ответил ему твёрдым взглядом.

– Я не шучу. Действительно могу тебе помочь. Понимаешь, есть реальный способ решить финансовую проблему. Однако присутствует одно «но». Способ этот из области эзотерики, а эта тема некоторым людям кажется, мягко говоря, странной. Поэтому, если ты в такие вещи не веришь, говори сразу. Ну что, готов слушать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.